

ВАС. ЯНЧЕВЕЦКІЙ
ВОСПИТАНІЕ ↗ ↗
СВЕРХЧЕЛОВѢКА

1. Вѣсть предисловія	I
2. Воспитаніе сверхчеловѣка	1
3. Три основанія школы будущаго	11
4. Англійскій характеръ	23
5. Надвигающаяся мгла	28
6. Откуда мгла?	33
7. Деревенская молодежь	37
8. Молодые силы	44
9. Одѣчаніе дѣтей	48
10. Свобода или дисциплина?	54
11. Политическое воспитаніе народа	61
12. Развалъ школы	66
13. Безразличіе	76
14. Доблесть въ школѣ	84
15. Проектъ аvarхической школы	89
16. Сѣздъ учителей въ Финляндіи	97
17. Латинская программа	102
18. Изъ учительскаго подполья	108
19. Пробивайся впередъ	115
20. Цвѣты и дѣти	118
21. Гдѣ правда?	123
22. На перекутъ	119

Россія окружена врагами, которые ведутъ борьбу
постоянно.

Въ будущемъ возможны войны, къ которымъ надо
подготовить сильное поколѣніе.

Русскія дѣти, и городскія, и сельскія, не полу-
чаютъ воспитанія.

Создайте русскую сверхчеловѣка .

Подростающіе наши сыновья не могутъ бороться.

Нужно создать русскую школу на новыхъ основаніяхъ.

Нужно не только защищаться, а нападать и
стараться побѣдить.

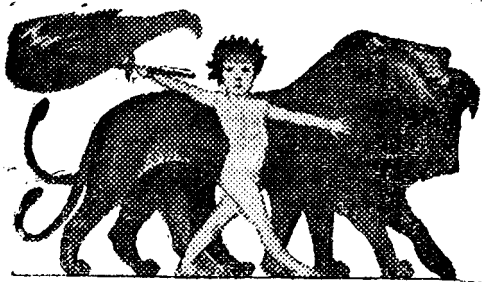
Освѣти добродѣтели полюбятъ Россію.

Будущее принадлежитъ сильнымъ и нападающимъ.

Россіи нѣтъ—Россія еще будетъ.

Къ чему такъ мягко, такъ уклончиво! Къ чему такъ много отреченія, самоотреченія въ сердцахъ вашихъ! И если вы не хотите быть рокомъ и неутомимыми: какъ могли бы вы побѣдить!

Ф. Ницше.

*Воспитаніе
сверхчеловѣка.*

I.

Въ одномъ увлекательномъ французскомъ романѣ описывается, какъ замѣчательный ученый, докторъ Синтезъ, хотѣлъ создать совершеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. У него была единственная любимая дочь и, видя какъ испорчено, безхарактерно и полно всякихъ болѣзней и недостатковъ современное ему поколѣніе, профессоръ не могъ и не хотѣлъ выбрать подходящаго для его дочери супруга.

Поэтому онъ рѣшилъ создать его искусственно. На одномъ изъ острововъ Тихаго океана профессоръ устроилъ гигантскую лабораторію. Доставъ со дна океана первобытную протоплазму, ученый при помощи всевозможныхъ приспособ-

собленій, сконцентрированныхъ лучей, подъ особыми колпаками и т. д. достигаетъ того, что протоплазма проходитъ со сказочной быстротой разные стадіи развитія, и превращается все въ высшіе виды живыхъ существъ, сперва въ простые организмы, потомъ сложные, потомъ въ пресмыкающееся, приближаясь къ желанной конечной цѣли,—къ совершенному человѣку, лишенному всѣхъ тѣхъ недостатковъ, которыми полонъ нынѣшній homo sapiens въ силу разныхъ неудачъ, сопровождавшихъ его вѣковую жизнь на этой планетѣ.

Къ сожалѣнію, профессору не удалось создать человѣка. Пираты напали на его лабораторію, разбили гигантскій стеклянный колпакъ надъ лагуной коралловаго острова, и процессъ превращенія прервался на полпути, когда его «человѣкъ» былъ чѣмъ то въ родѣ, кажется, крокодила.

Такимъ образомъ этотъ любопытный опытъ, созданный фантазіей французскаго писателя, не удался.

Но идея создать совершеннаго человѣка, какимъ бы то ни было путемъ, развѣ не должна глубоко интересовать каждаго педагога, которому ввѣряются дѣти, каждаго отца, который долженъ изъ своего ребенка воспитать самое лучшее, самое возвышенное существо,—воспитать человѣка будущаго, по выраженію Ф. Ницше,—воспитать сверхчеловѣка..

Можно ли достигнуть лучшей, болѣе сильной, болѣе развитой, болѣе нравственной породы людей?

Отчего же не попытаться? Можетъ быть, на много лѣтъ впередъ рядомъ законовъ, — обдуманной системой воспитанія, простирающейся на всѣхъ дѣтей государства, охраной дѣтей, можно стать на путь, когда дѣти не будутъ вырождаться, слабѣть, а, наоборотъ, развивать всѣ свои лучшія духовныя и физическія силы.

Для этого нужно будетъ поставить дѣтей въ такія условія, чтобы ничто имъ не вредило и не приводило къ такому нравственному убожеству, какъ мы видимъ теперь, и въ чемъ виноваты мы сами.

2.

Есть два идеала воспитанія: одинъ — не отъ міра сего, монашескій, другой эллинскій, — для жизни.

Первый идеалъ говоритъ:

— Міръ лежитъ во злѣ и грѣхѣ. Всѣ мы скверны. Всѣ наши помыслы должны быть направлены къ загробной жизни. Нужно убивать плоть, развивать духъ, посвятить себя служенію Богу и молитвамъ. Отказаться отъ удовольствій и радостей, уходить отъ міра съ его страстями и грѣховными соблазнами. Дѣтей нужно воспитывать кроткими, незлобивыми, покорными старшимъ.

Другой взглядъ, древне-эллинскій, говоритъ:

— Всегда быть первымъ, стараться быть лучше другихъ, побѣждать ихъ въ борьбѣ. Достигать на своей родинѣ славы и добраго имени. Эта жизнь лучше загробной. Лучше быть послѣднимъ пастухомъ на землѣ, чѣмъ повелителемъ въ царствѣ тѣней. Нѣтъ ничего слаще побѣды. Не уступай ничего безъ боя. Лучше вернуться на щитѣ, чѣмъ безъ щита. Смерть лучше позора.

Первый взглядъ можно охарактеризовать вкратцѣ: уступчивость, кротость, самоотреченіе. Второй: борьба, наслажденіе жизнью, стремленіе къ побѣдѣ и къ счастію на землѣ.

Вся система воспитанія ребенка можетъ быть направлена по первому или второму пути.

По какому пути нужно направить воспитаніе русскаго юношества?

3.

На земномъ шарѣ становится тѣсно жить. Человѣчество увеличивается и ищетъ новыхъ колоній куда отправлять избытокъ населенія, но уже свободныхъ колоній не оказывается. Россія окружена государствами, гдѣ переизбытокъ населенія. Германія, Австрія и весь Европейскій Западъ представляютъ готовую двинуться на востокъ волну, «Drang nach Osten», въ поискахъ за новыми землями.

Китай и Японія съ другой стороны уже

начали вторгаться въ предѣлы, занятые русскимъ племенемъ.

Какъ нѣкогда Римъ велъ многочисленныя Пуническія войны съ Карфагеномъ, такъ и намъ предстоитъ долгая борьба съ нашими азіатскими сосѣдями. Русско-Японская война—это вторая изъ ряда войнъ,—первая была Русско-Китайская. Русско-Японская война прервалась,—къ сожалѣнію или къ счастью — покажетъ исторія. Можетъ быть, нѣсколько лѣтъ перемирія до слѣдующей войны, въ время котораго Россійскій Императоръ совершаетъ гигантскія внутреннія реформы всего строя и жизни государства, и общій подъемъ духа въ народѣ, заставятъ сожалѣть японцевъ, что они не рискнули идти дальше и добиться еще болѣе крупныхъ успѣховъ. Мукденъ и Ляоянъ не были русскими пораженіями; за побѣды японцы могутъ считать только взятіе Портъ-Артура и уничтоженіе русскаго флота при Цусимѣ.

На новыя войны мы можемъ смотрѣть теперь гораздо спокойнѣе и смѣлѣе. Но нужно, чтобы все въ имперіи было подготовлено къ войнѣ, нужно, чтобы все воспитаніе и образованіе во всѣхъ государственныхъ школахъ были поставлены на совершенно новыхъ началахъ.

Необходимо дѣтей готовить къ борьбѣ на всѣхъ поприщахъ жизни.

Борьба экономическая идетъ все время между

государствами. Англичане стонутъ, что нѣмцы забиваютъ ихъ своей дешевой промышленностью, и кажется, забьютъ ихъ и на морѣ своимъ флотомъ. Русскій хлѣбъ и сырье, когда-то царившіе полновластно на европейскомъ рынкѣ, теперь не въ силахъ выдержать безкровной войны съ Америкой, Аргентиной и Австраліей.

Намъ нужно готовиться къ великимъ міровымъ переворотамъ. Побѣдитъ тотъ, кто будетъ болѣе образованъ, культуренъ и силенъ. Поэтому въ наилучшемъ воспитаніи дѣтей—залогъ будущаго счастья Россіи.

4.

Въ нашемъ прошломъ можно указать на много лицъ, каждаго изъ которыхъ по кипучей энергіи, по широкимъ душевнымъ качествамъ и талантамъ можно назвать сверхчеловѣкомъ, — напимѣръ, Петръ Первый, Пушкинъ, Суворовъ, Ломоносовъ, Скобелевъ, Менделѣвъ...

Всѣ они подымались среди обыкновенной сѣрой толпы болѣе высокими душевными качествами, размахомъ душевной силы. Нашихъ дѣтей нужно воспитывать, чтобы они стали такими же, съ сильной энергіей, широкими замыслами, умѣніемъ добиваться своихъ цѣлей.

Есть много людей изъ русской исторіи, которыхъ по энергіи и силѣ характера можно поста-

вить образцомъ для нынѣшняго поколѣнія, и съ ихъ біографіями слѣдуетъ считаться педагогамъ при воспитаніи характеровъ. Но два характера особенно привлекательны для воспитателя, какъ идеалы сильныхъ русскихъ людей—Пушкинъ и Петръ I.

Біографія Пушкина показываетъ, что съ дѣтства до его ранней (36 л.) кончины этотъ литературный гений отличался удивительнымъ трудолюбіемъ. Онъ работалъ надъ книгами, изучилъ, уже будучи взрослымъ, англійскій языкъ настолько хорошо, что въ подлинникъ читалъ Байрона и Шекспира. Его письма изъ изгнанія полны требованій книгъ. Несмотря на преслѣдованія, Пушкинъ остался жизнерадостнымъ, съ бодрымъ взглядомъ на жизнь, съ любовью къ родинѣ и съ сильнымъ національнымъ чувствомъ. Его влекли къ себѣ литература, исторія и искусство.

Петръ I, напротивъ, увлекался практическими задачами и всѣми видами прикладного знанія. Съ дѣтства онъ изучалъ военную науку со своими потѣшными полками, затѣмъ любилъ всякія мастерства, постройку судовъ, устройство фабрикъ, созиданіе городовъ, гаваней. Насколько Пушкинъ былъ творцомъ въ отвлеченномъ мірѣ искусствъ, настолько Петръ былъ кипучимъ созидателемъ въ мірѣ реальномъ, практическомъ.

Петръ I также учился до конца жизни и отличался трудолюбіемъ поразительнымъ.

Нельзя ли русское воспитаніе направить такимъ образомъ, чтобы въ немъ совмѣщалось широкое литературно-историческое образованіе съ практическими прикладными знаніями?

5.

Нынѣшняя русская школа совершенно не достигаетъ своей задачи—воспитывать сильное поколѣніе. Въ міръ школа должна выпускать образованныхъ, энергичныхъ и здоровыхъ людей, которые могли бы успѣшно бороться за свою жизнь, за жизнь своей семьи, за свободу и независимость своей родины. Война идетъ ежедневная и незамѣтная на первый взглядъ—война экономическая. Если бы не страхъ передъ нашей милліонной арміей, если бы Россія была бы такъ же дезорганизована, какъ Индія или Китай, Россію залили бы всевозможныя иностранныя полчища, предприниматели, промышленники, колонисты, рудокопы и, конечно, при нынѣшнемъ образованіи русскаго юношества, — русскимъ людямъ пришлось бы сдѣлаться только батраками у побѣдоносныхъ западныхъ завоевателей.

Но безъ всякой войны, безъ авангарда милліонныхъ западныхъ армій, западные рабочіе, промышленники, купцы, акціонеры всевозможныхъ предпріятій, колонисты медленно проникаютъ въ нашу родину и распространяются свободно по всѣмъ ея концамъ, побѣждая русскаго своей высшей

культурой, своимъ знаніемъ, лучшимъ умѣніемъ работать, трудолюбіемъ, трезвостью, исправностью и упорствомъ въ достиженіи цѣлей.

На міровыхъ рынкахъ идетъ борьба между русскими и заграничными товарами, и русскіе товары играютъ самую жалкую роль,—мы можемъ соперничать съ иностранцами только въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Россія до сихъ поръ вывозитъ за границу только сырье,—вмѣсто переработки его въ высшіе продукты, и получаетъ свои же матеріалы изъ-за границы въ обдѣланномъ видѣ. Изъ Россіи идетъ за границу въ большомъ количествѣ желѣзная руда, истощая наши рудники, угрожая въ будущемъ закрытіемъ нашимъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ, въ то время какъ, напримѣръ, Скандинавскій полуостровъ, богатый желѣзомъ, воспретилъ вывозъ руды, а Швеція высылаетъ за границу ту же руду въ видѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ, паровиковъ, пароходовъ. Изъ Россіи вывозится ленъ, бревна, кожи, шерсть. Однако западная культура начала забивать насъ даже въ вывозѣ хлѣба: машинный способъ земледѣлія довелъ до того, что пшеница, доставленная на пароходахъ изъ Аргентины и С. Америки, въ Одессѣ и Либавѣ иногда дешевле, чѣмъ русская.

Русскіе рабочіе, пріѣхавшіе въ Америку, годятся только на самыя грубыя работы, землекопныя или камнетесныя. Они не подготовлены ни

къ какой болѣе сложной работѣ, потому что тѣ знанія, которыя были достаточны въ Россіи, никому не нужны въ Америкѣ.

Точно также наши исконные природные моряки, архангельскіе поморы, терпятъ убытки при соперничествѣ норвежскихъ и другихъ рыбопромышленниковъ на Мурманѣ и въ Сѣверномъ морѣ, потому что та высокая техника, которой достигли иностранцы, способы консервированія и засола рыбы, у нихъ гораздо выше и лучше. Норвежцы имѣютъ уже рыболовныя шхуны, снабженныя моторами, и въ штиль могутъ идти на ловлю и работать такъ же, какъ и въ вѣтеръ. У нашихъ же поморовъ до сихъ поръ нѣтъ въ Архангельскѣ даже рыбнаго элеватора, гдѣ бы въ ледникахъ могла бы быстро складываться рыба, чтобы, не задерживаясь засоломъ, рыболовы немедленно могли выходить снова на ловлю.

На всѣхъ поприщахъ техники нуженъ сильный толчекъ образованію нашего юношества, чтобы мы шли все время впередъ, развиваясь и двигая самостоятельно знаніе.

Кто стоитъ, того опережаютъ другіе, кто отсталъ, тому нужно сдѣлать двойныя усилія, чтобы догнать и опередить.

Я вѣрю, что мы можемъ идти впереди другихъ.

Три основанія школы будущаго.

I.

Новая русская школа должна имѣть три главныхъ основанія.

Первое—борьба.

Нужно съ самаго дѣтства, съ первыхъ шаговъ ребенка приучать его бороться и преодолевать препятствія. Ребенокъ начинаетъ борьбу, тиская руками грудь матери, выдавливая молоко, бьется ногами, стараясь вырваться изъ связывающихъ его пеленокъ.

Затѣмъ онъ начинаетъ ходить, хвататься за все руками, тереть кошку или собаку, ломать игрушки.

Съ перваго же дня рожденія родители начинаютъ портить и забивать ребенка.

У насъ почему-то стоятъ идеаломъ овечьи добродѣтели—кротости, покорности и послушанія, когда вся жизнь говоритъ о борьбѣ, о соперничествѣ, о ежедневной войнѣ.

Родители—эгоисты, они хотят тишины и покоя; шумъ, крикъ ребенка ихъ раздражаетъ, они требуютъ, чтобы онъ тихо сидѣлъ въ углу за книжкой или съ куклой, не прыгалъ, не мѣшалъ. Если ребенокъ слишкомъ расшумится, его наказываютъ или бьютъ.

Бьютъ ли своихъ дѣтенышей животныя? Видѣли вы кошку, которая била бы котятъ, или лошадь, которая лягала своего жеребенка? Только homo sapiens издѣвается надъ своими дѣтьми и ихъ мучаетъ.

Дѣтей нужно оберегать такъ же, какъ оберегаютъ ихъ животныя и такъ же давать имъ полную свободу развитія.

Дѣти—наши тираны. Если вы не хотите исполнять дѣтскихъ желаній, то вы не имѣете права имѣть дѣтей. У всѣхъ азіатовъ, — китайцевъ, японцевъ, туркменъ, персіянъ, — ребенокъ — центръ всего дома. Его окружаютъ всѣми заботами, какія только могутъ ему предоставить, его украшаютъ, его осыпаютъ ласками.

Нужно развивать въ дѣтяхъ силу желанія. Нынѣшнее русское поколѣніе никакихъ желаній, никакихъ сильныхъ страстей не имѣетъ. Кто можетъ сильно желать, тотъ сумѣетъ и добиться исполненія своихъ желаній.

Родители же изъ лѣни, изъ душевной вялости, желанія покоя, чтобы дѣти ихъ не беспокоили, внушаютъ дѣтямъ:

— Ты еще маленькій, ты не смѣешь имѣть собственной воли, ты долженъ слушаться старшихъ, ты глупенькій, ты этого не поймешь.

Какъ же развить изъ ребенка борца за себя, за свою жизнь, если онъ долженъ только слушаться и подчиняться?

У англичанъ чувство борьбы и соперничества развивается съ дѣтства. Ихъ національная игра, — футболъ, основана на соперничествѣ двухъ партій, при чемъ каждый въ партіи долженъ зорко смотрѣть за своими товарищами, — чтобы помочь имъ, и за непріятелями, чтобы не дать имъ побѣдить.

Если дѣтямъ не приходится вести борьбу съ людьми, — развѣ только въ играхъ, то слѣдуетъ имъ устраивать борьбу съ препятствіями, — но только устраивать нужно очень осторожно и внимательно.

Мноѣо лѣтъ назадъ въ Ригѣ былъ русскій купецъ К., пришедшій въ городъ безъ всякихъ средствъ и медленно составившій себѣ состояніе. Было у него два сына: одинъ упрямый, другой ласковый. Ласковаго онъ оставилъ при себѣ, а упрямаго отправилъ «въ выучку» въ Аренсбургъ, къ своему старинному другу, тоже русскому купцу, и написалъ ему, что, желая воспитать сына, просить не оказывать ему никакого снисхожденія, а держать наравнѣ съ простыми приказчиками и мальчиками на побѣгушкахъ. Пусть сынъ воспитывается въ суровой жизни.

Дѣйствительно, аренбургскій купецъ никакой поблажки воспитаннику не давалъ, заставлялъ его и товаръ отпускать въ лавкѣ, и полъ подметать, и самовары ставить, и мусоръ выгребать. А такъ какъ Аренбургъ на островѣ, то и сбѣжать молодому воспитаннику нельзя было.

Черезъ нѣсколько лѣтъ молодой купецъ вернулся къ отцу и оказался истиннымъ преемникомъ его во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Суровая школа воспитала изъ него настоящаго дѣльца и онъ до сихъ поръ стоитъ во главѣ фирмы. Младшій же, ласковый сынъ, избалованный отцомъ и приказчиками, не кончилъ гимназіи, поболтался нѣсколько лѣтъ въ драгунахъ, промоталъ отцовскія деньги и спился.

Должна быть суровая школа борьбы при воспитаніи будущихъ борцовъ. Нужно закалять тѣло, но не развращать и не убивать духа. Нужно приучать къ борьбѣ и упорству въ достиженіи цѣлей.

2.

Въ жизни не только нужно бороться, нужно создавать нѣчто новое, совершенствовать уже созданное, искать новые пути. Для этого необходимо *творчество*.

Послѣ борьбы, творчество должно быть вторымъ основаніемъ новой школы.

Славяне были всегда богаты созидательными силами и изобрѣтательностью. Смѣлкой насъ Богъ, кажется, не обидѣлъ. Но отчего такая бѣдность творчества видна во всемъ теперь? Кто убилъ у насъ этотъ духъ самобытности?

Не показала ли минувшая кампанія, при отвагѣ и находчивости нижнихъ слоевъ арміи, удивительную рутинность и неизобрѣтательность чиновъ высшихъ?

Не показываетъ ли общій стонъ русскаго общества: «людей нѣтъ», что при нашемъ воспитаніи не только школьномъ, но и воспитаніи путемъ общественнаго и государственнаго вліянія, — у насъ убивается духъ самобытности и оригинальности, который, конечно, долженъ таиться въ каждомъ здоровомъ ребенкѣ.

Самый главный параличъ оригинальности, это царящій принципъ и въ школѣ и въ жизни, что передъ «старшими», передъ начальствомъ никто «не долженъ смѣть свое сужденіе имѣть». Начальство обо всемъ позаботится, начальство все знаетъ. На войнѣ маленькимъ чинамъ предпринимать самостоятельныя дѣйствія было очень трудно, — въ случаѣ малѣйшаго сомнительнаго исхода начальство покараетъ, а въ случаѣ удачи припишетъ успѣхъ себѣ, въ родѣ исторіи съ Путиловской сопкой. Поэтому всѣ полагались на приказанія начальства.

Нѣтъ ничего выше протеста во имя убѣжден-

ной идеи. Но «овечьи добродѣтели», покорность, послушаніе царили безпрекословно въ арміи, гдѣ тактику замѣняла тактичность и люди съ дипломами, но лишеныя всякой творческой мысли и инициативы, душили своими распоряженіями могучую армію.

Какъ цвѣтокъ погибающій, полужасохшій, нужно русское юношество начать воспитывать въ новомъ направленіи, развивая его творчество, оригинальность, умѣнье созидать.

Если у ребенка является желаніе или мечта о чемъ нибудь, слѣдите за этимъ и постарайтесь помочь ему осуществить эту фантазію на дѣлѣ. Можно сперва сопротивляться, спорить, ставить нѣкоторыя препятствія, чтобы ребенокъ научался въ борьбѣ добиваться своей цѣли; въ спорѣ яснѣе выясняется, какъ можно осуществить эту мысль на дѣлѣ. Но только не осмѣивайте фантазіи ребенка,—какой бы смѣшной и «дѣтской» она ни казалась. Вѣдь вы взрослый и умный, вамъ легко въ спорѣ съ ребенкомъ осмѣять и доказать глупость или неосуществимость чего угодно. Поэтому только не осмѣивайте его мечты, а спорьте слегка, только для того, чтобы разжечь дѣтскія желанія осуществить мысль на дѣлѣ. Ставьте препятствія, но достаточно легкія, а когда онъ преодолѣлъ ихъ, то хвалите его.

Напримѣръ, многія дѣти хотятъ строить домъ, лодку, какую нибудь машину и т. п.

Это прекрасный симптомъ; но позвать рабочаго и нанять его сдѣлать то, что хочетъ ребенокъ,—это развращать ребенка. Нужно сперва поставить легкія препятствія; сказать ребенку:— «это трудно, можешь ли ты это сдѣлать? нарисуй сперва на бумагѣ, какъ и что ты хочешь сдѣлать, и если планъ будетъ хорошъ, то тогда еще посмотримъ». Когда ребенокъ все расскажетъ или нарисуетъ, что онъ хочетъ, выскажите легкое недовѣріе, но не чересчуръ, чтобы не охладить энергіи въ ребенкѣ, но чтобы въ то же время ребенокъ больше опирался на себя одного, приучался идти самостоятельно къ намѣченной цѣли.

— Тебѣ нужны для лодки доски, хорошо, вотъ тебѣ доски, пила, топоръ; вотъ тебѣ книга, гдѣ изложено, какъ строились раньше суда. Посмотримъ, что у тебя выйдетъ. А выйдетъ, будешь молодцомъ.

Нужно быть другомъ своимъ дѣтямъ и не бойтесь, что излишняя близость испортитъ вашъ авторитетъ. Вы должны только передъ дѣтьми всегда показываться съ самой лучшей стороны. Въ представленіи дѣтей отецъ и мать не могутъ дѣлать погрѣшностей, они должны казаться совершенными и безошибочными; поэтому родители никогда не должны лгать ребенку, думая, что онъ маленькій и ему нужно говорить «что нибудь», только бы отвѣтить на его вопросъ,

чтобы онъ отсталъ. Ребенокъ равноправный съ нами маленькій гражданинъ вселенной и если онъ спрашиваетъ, отвѣчайте немедленно, и старайтесь все ему объяснять, принаравливаясь къ его понятіямъ, но совершенно просто, безъ сюсюканья, шуточекъ, стараясь разъяснить вещь такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ.

Дѣтское творчество проявляется во всевозможныхъ формахъ, и въ желаніи строить, лѣпить, рѣзать изъ дерева или картона, и въ писаніи дневниковъ, гдѣ они пишутъ свои фантазіи и излагаютъ свои мечты и планы, какъ устроить жизнь, последнее дѣлаютъ, кажется, всѣ дѣти. Устройство своей жизни по обдуманной программѣ—это тоже творчество жизни. Англичане, да и всѣ люди съ характеромъ, умѣютъ впередъ на нѣсколько лѣтъ распредѣлить планъ дѣятельности. и съ точностью машины эту программу выполнить. У насъ же ребенку стараться устраивать свою жизнь по собственному плану очень трудно, да и примѣры самостоятельной жизни приходится встрѣчать рѣдко. У насъ живутъ случаемъ и обстоятельствами. Юноша кончаетъ университетъ, ему хочется уѣхать за границу, продолжать ученіе или посмотрѣть далекія страны. Въмѣсто того, чтобы постараться выполнить свои желанія, несмотря ни на какія препятствія и лишенія, поступить матросомъ или лакеемъ, или рабочимъ на заграничный заводъ, только бы

попасть туда, куда ему хочется, юноша раздумываетъ, робѣетъ, откладываетъ на неопределенное время,—другими словами навсегда и поступаетъ въ казенную палату, гдѣ женится и дѣлаетъ такихъ же безхарактерныхъ какъ онъ самъ дѣтей. Но когда же будетъ новая болѣе сильная порода русскихъ людей?

У насъ часто бываютъ случаи, что мальчики «бѣгутъ въ Америку». Это имъ не удастся, и когда они вернутся, то зачинщиковъ недалеко-видные начальники исключаютъ изъ гимназій, а всѣхъ участниковъ наказываютъ, осмѣиваютъ:—«что, сбѣгалъ въ Америку?»—вмѣсто того чтобы ласкать, лелѣять и помочь имъ въ какой либо другой формѣ проявить бьющую въ нихъ энергію. Мнѣ жаль этихъ болѣе неуравновѣшенныхъ, болѣе пылкихъ мальчиковъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣтствѣ одинъ мой товарищъ по гимназій, послѣ такой неудачной попытки, когда его охотничья воинская команда изловила въ лѣсу зимой, въ скоромъ времени застрѣлился. Въ Полоцкомъ корпусѣ воспитатель вмѣстѣ съ нѣкоторыми воспитанниками построили самостоятельно большую лодку и сдѣлали путешествіе по Россіи, причемъ кадеты все для себя дѣлали сами, были и матросами и поварами. Путешествіе ихъ описано въ особой книгѣ. Не прекрасный ли это примѣръ развитія самостоятельности дѣтей?

Новая русская школа должна развивать въ дѣтяхъ творчество во всѣхъ его проявленіяхъ.

3.

Среди дѣтей въ школѣ наблюдается постоянно, что какой нибудь ребенокъ интересуется однимъ предметомъ, а другіе изучаетъ кое какъ или вовсе плохо. Бываетъ, что по симпатичному ему предмету онъ выказываетъ способности и успѣхи, а по другимъ никакихъ. Школа, въ силу своей программы, съ этимъ не считается. Ей нужно, чтобы у ребенка не было двоекъ и единицъ. Нынѣшняя школа удивительно нивелируетъ, сравниваетъ своихъ учениковъ, ей не нужно крайностей, ей нужна средняя ровная успѣшность учениковъ.

Какъ много на моей памяти моихъ товарищей по школѣ ея не кончило, — товарищей талантливыхъ, выказывавшихъ отличныя способности по нѣкоторымъ предметамъ, и не кончило потому, что по другимъ предметамъ ихъ преслѣдовали единицы. Они проваливались на переэкзаменовкахъ и должны были выходить изъ школы.

Я думаю, что школа не должна никого изгонять изъ своихъ стѣнъ, кромѣ больныхъ, которыхъ нужно поставить въ спеціальныя условія.

Мой отецъ, бывшій директоромъ гимназіи, всячески покровительствовалъ тѣмъ воспитанникамъ, которые выказывали склонности къ опредѣленнымъ предметамъ или какой либо талантъ,—была ли это музыка, пѣніе, рисованіе, не говоря уже о наукахъ. Онъ поддерживалъ ихъ и ходатайствовалъ за нихъ, пока наконецъ сухіе и безжалостные параграфы школьнаго устава не изгоняли дѣтей изъ школы.

Я представляю себѣ дѣло такимъ образомъ,—если воспитанникъ имѣетъ пятерку по одному предмету, то, хотя бы онъ имѣлъ самыя дурныя отмѣтки по другимъ,—мальчикъ спасенъ, идетъ впередъ, и никто не смѣетъ его удалить изъ школы. Вспомните, что Пушкинъ и Толстой имѣли всегда очень плохіе баллы.

Я помню многихъ воспитанниковъ, очень плохо учившихся въ младшихъ классахъ гимназіи, довольно сносно въ старшихъ и великолѣпно занимавшихся въ университетѣ и специальныхъ институтахъ, когда они принялись за ту отрасль знанія, которая ихъ интересовала.

Если дипломы имѣютъ значеніе, по разнымъ льготамъ воинскимъ и другимъ, устройте аттестаты зрѣлости 2—3 сортовъ, дающихъ разныя права, какъ дипломъ университетскій 1 и 2-й степени. Но только не выбрасывайте изъ школы дѣтей, бракуя ихъ на всю жизнь.

Теперь настало такое время, что не общее

образование имѣетъ значеніе,—у насъ перепроизводство интеллигенціи, которая, въ сущности говоря, ни къ чему не пригодна.

Теперь требуется *спеціализація* знанія и способностей. Нужно быть специалистомъ въ какой либо отрасли знанія, искусства, техники и т. д.

Спеціализація—вотъ третье основаніе школы будущаго. Нужно поощрять склонности дѣтей, развивая ихъ спеціальныя способности. Кто силенъ въ одномъ предметѣ, тотъ чувствуетъ себя самоуваженнѣе вообще и онъ серьезнѣе относится къ работѣ. Школа не только должна давать общее образованіе, она должна научить юношу самостоятельно работать,—и легче всего это сдѣлать на томъ предметѣ, который болѣе интересуется и нравится.

Умѣть бороться, преодолевать препятствія въ жизни, создавать новые пути во всѣхъ отрасляхъ знанія, техники и искусства и чувствовать себя хозяиномъ на избранномъ пути, вотъ три грани новой школы, которая могла бы создать болѣе сильное, смѣлое и энергичное русское поколѣніе.

Англійскій характеръ.

Самая главная разни́ца между русскимъ и англійскимъ характеромъ, какъ мнѣ кажется, это мистицизмъ и самокритика у насъ и удивительная душевная ясность и отсутствіе сомнѣнія въ самомъ себѣ у англичанъ. Мы сложили такую пословицу: «7 разъ отмѣрь, одинъ отрѣжь». Это полное опредѣленіе нашего характера. Передъ каждымъ дѣломъ мы сомнѣваемся, колеблемся, передумываемъ по нѣсколько разъ и каждый разъ приходимъ къ новому выводу; когда же рѣшаемся наконецъ сдѣлать, то либо уже поздно, либо мы дѣлаемъ совсѣмъ не то, что сами хотимъ.

Англичанинъ обдумаетъ разъ и съ этимъ рѣшеніемъ сейчасъ приступаетъ къ дѣлу. Разумѣется, причиной нашей вялости, во-первыхъ то, что Россія велика и обильна, что долго мы жили, лелѣемые дешевыми рабами, что у насъ нѣтъ

конкуренціи, что всё мы аккуратно 20-го получаемъ свое жалованье, что время терпѣть, что надъ нами не каплетъ и т. д.

Сѣверная Англія—это кипучая, не останавливающаяся ни на минуту жизнь, ежедневная война за свое существованіе и существованіе всѣхъ, кто работаетъ съ вами вмѣстѣ въ одномъ дѣлѣ. Тамъ нѣтъ дядюшки, у котораго можно попросить мѣстечка, никому не нуженъ дипломъ, тамъ все зависитъ отъ сообразительности, талантности и умѣнья не стоять на мѣстѣ, а все идти впередъ. «Лордъ» Гладстонъ ни для кого ничего не значить и поэтому Гладстонъ отказался отъ этого титула, потому что «мистеръ» Гладстонъ говоритъ слишкомъ много представленію англичанина. Мистеръ Гладстонъ - это человекъ, который своей энергіей, талантомъ и умѣньемъ работать достигъ перваго положенія въ государствѣ; на Гладстона смотреть точно такъ же, какъ на какого-нибудь разбогатѣвшаго фабриканта мыла Пирса или издателя Гармсвортса, потому что успѣхъ жизненный въ Англіи связанъ съ успѣхомъ денежнымъ.

Самое главное для англичанина составить себѣ положеніе и разбогатѣть. Удивительно, что у современныхъ англійскихъ идеалистовъ, въ родѣ, напримѣръ, Стэда, вмѣстѣ съ приливомъ популярности непременно льется струйка золота въ карманъ.

Что такое, напримѣръ, Бутсъ, генераль «Арміи Спасенія»? Это человѣкъ ничего не имѣвшій и своими рѣчами, ловкостью и энергіей достигшій славы, громаднаго богатства и пр. Это вовсе не апостоль, босикомъ проповѣдующій нищимъ и помогающій имъ, это—устроитель предпріятія, содержащаго армію чиновниковъ; его сынъ, наслѣдникъ этого дѣла, тоже «генераль», владѣтель нѣсколькихъ домовъ, окруженный пресмыкающимся предъ нимъ легіономъ подчиненныхъ и лакеевъ. Джентльмены надъ Бутсомъ смѣются, а предприниматели ему завидуютъ.

На сѣверѣ находятся всѣ большіе заводы, всѣ крупныя дѣла и предпріятія; поэтому на сѣверѣ развивается сильнѣе частная инициатива и удивительные, намъ мало понятные, желѣзные характеры, которые аккуратнѣе нѣмца и въ то же время съ чисто славянскими могучими страстями. Сѣверный англичанинъ составитъ себѣ планъ на много лѣтъ жизни, отказывается отъ всего, что не подходитъ подъ его идеи, и выполняетъ это съ методичностью, которая очень чужда современному русскому женственному и распущенному характеру.

Въ Ливерпулѣ, Шеффилдѣ никогда не спрашиваютъ про человѣка: «кто это такой», а «сколько онъ получаетъ». Деньги—это признакъ успѣха; успѣхъ достигается нашими способностями, а способности могутъ приносить резуль-

татъ только тогда, когда ими управляетъ сильный характеръ. На сѣверѣ говорятъ: «стало быть онъ съ сильнымъ характеромъ, если могъ добиться такого жалованья».

Тамъ, на сѣверѣ, идетъ настоящая борьба за жизнь, и каждый идетъ или впередъ, или назадъ, потому что стоять на мѣстѣ это уже значить—отступать и все время нужно прибавлять къ тому, что каждый получаетъ. Это настоящий завоевательный характеръ и типичнымъ его представителемъ является Джоэ Чемберленъ какъ въ своей жизни, такъ и во внѣшней колоніальной политикѣ.

Есть два рода государствъ—монархія и имперія. Монархисты говорятъ: «я имѣю это и я этимъ доволенъ», имперіалисты: «разъ я достигъ такой ступени, что имѣю это, я стало-быть могу сдѣлать еще шагъ и подняться еще выше».

Имперіалистическій характеръ, конечно, болѣе развитъ на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. На югѣ живутъ помѣщики, лэндлорды, которымъ хочется только сохранить свое *statu quo*, чтобы никто имъ не мѣшалъ и они могли получать аккуратно свои ежегодные доходы. На сѣверѣ же царствуютъ купцы, самые сильные имперіалисты въ Англіи. Купцы зависятъ отъ имперіи, помѣщики отъ Англіи, отъ маленькаго британскаго острова.

Торговля дала расцвѣтъ частной инициативѣ;

купцамъ и фабрикантамъ необходимъ постоянный прогрессъ ихъ дѣла, а прогрессъ вырабатываетъ агрессивный, нападающій характеръ.—милліонеровъ бы не было, если бы не было агрессивнаго характера.

Такъ какъ на сѣверѣ меньше зависимости отъ церкви, то священникамъ нужно прилагать гораздо больше старанія и способностей, чтобы доказать важность церкви. Лучшіе, самые сильные проповѣдники—сѣверяне, такъ какъ на югѣ у священниковъ больше равнодушія и безпечности къ своимъ нетруднымъ обязанностямъ.

Сѣверъ становится теперь важнѣе Лондона и самое важное мѣсто сѣвера—Ланкаширъ, такъ какъ изъ 40 главныхъ городовъ Англіи, 10 въ Ланкаширѣ; всѣ они съ громаднѣйшимъ населеніемъ и расположены очень близко другъ отъ друга.

Ньюкэстль.

Надвигающаяся мгла.

Нѣсколько пожилыхъ профессоровъ и молодыхъ преподавателей разъ въ недѣлю собираются у стараго ученаго, и проводятъ нѣсколько часовъ за стаканомъ чая, бесѣдуя о дорогой имъ наукѣ, о книжныхъ новостяхъ; по пути разговоръ переходитъ и на «быстротекущую современную жизнь».

Старый ученый уже много лѣтъ читаетъ лекціи и почти всѣ окружающіе гости были его учениками. Но дома онъ только добродушный хозяинъ, самъ всѣхъ угощаетъ и ходитъ по небольшой квартирѣ, уставленной полками съ книгами, лично наливая и разнося чай. Какъ-то особенно уютно и тепло въ этихъ нѣсколькихъ комнатахъ, гдѣ со стѣнъ глядятъ аккуратно поставленные томы различныхъ сочиненій съ исписанными бумажными закладками, которыя говорятъ, что надъ каждой книгой поработалъ ея владѣлецъ и оставилъ эти бумажные язычки, чтобы

быстро найти въ каждой книгѣ ту справку, какая ему нужна.

Разговоръ зашелъ о молодежи.

— Какая значительная разниа между студентами нынѣшними и прежними, сказалъ молодой приватъ-доцентъ. Большинство студентовъ совершенно ничему не учится. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, до выпускныхъ экзаменовъ, они заглядываютъ въ аудиторіи, иногда посматриваютъ на книги, но настоящаго занятія наукой давно уже нѣтъ.

Въ университетъ они вступаютъ съ очень легкимъ багажомъ познаній, потому что въ средней школѣ нѣтъ того усидчиваго прилежанія, какъ бывало прежде. Учениковъ стараются не «обременять», не «переутомлять», и въ концѣ концовъ выходятъ недоучки. А въ университетѣ теперь упраздненъ всякій контроль надъ научными занятіями студентовъ. Университетское время проходитъ сквозь головы студентовъ бурной волной и кромѣ пѣны ничего не остается.

— А на экзаменъ они являются съ претензіями и требуютъ диплома какъ должной награды, вѣроятно, за ихъ служеніе освободительному движенію. ИсторіеяевреяШоравъНовороссійскомъ университетѣ, который бросилъ чернильницей въ профессора за плохую отмѣтку, вполне характеризуетъ современныя отношенія. Студентъ требуетъ «удовлетворительной» отмѣтки, какъ долж-

наго и обиженъ, если ему поставятъ единицу, хотя бы онъ ничего и не зналъ.

— Но практическія занятія вѣдь имѣются?

— Да, но это только одно названіе. Напримѣръ, приходится читать древніе тексты и разбирать ихъ. Только у человѣкъ пяти имѣются книги, по которымъ они слѣдятъ, остальные полтора ста сидятъ и смотрятъ. А потомъ на экзаменѣ жалуются: «я вѣдь сидѣлъ у васъ на лекціи»,—а мнѣ то что толку, что сидѣли? Я теперь и думать не могу указать имъ какое-нибудь мѣсто въ текстѣ и предложить его разобрать. Я уже предоставляю студентамъ выбрать самимъ, что они знаютъ, и съ этимъ справляться какъ могутъ.

— То же самое и на другихъ факультетахъ. Недавно къ одному профессору приходитъ студентъ и проситъ подписать удостовѣреніе, что имъ выполнены всѣ требуемыя химическія работы. «Когда же вы ихъ сдѣлали?»,—спрашиваетъ профессоръ. «Вчера». «Но, вѣдь, вчера не было инструментовъ?». «Да, я это сдѣлалъ еще третьяго дня». «Но тогда тоже не было инструментовъ». Студентъ сталъ путаться, но настаивалъ, что работы имъ выполнены.

— Неужели профессоръ все-таки зачелъ ему работы?

— Конечно, зачелъ. «Нѣтъ,—говоритъ,—формальныхъ основаній отказать, выразить недовѣріе

студенту, да и чортъ съ нимъ, чтобы еще скандала не надѣлалъ»,—и подписалъ нахальному студенту удостовѣреніе.

— А вѣдь эти господа выйдутъ въ чиновники, доктора, учителя,—будутъ держать во власти другихъ людей, говорить о наукѣ, и отъ имени науки, воспитывать дѣтей, сообщать имъ какія-то свѣдѣнія подъ видомъ знаній.

— Въ заграничныхъ университетахъ студенты обязаны лично записывать лекціи и нѣкоторые профессора просматриваютъ регулярно записки, чтобы провѣрять, насколько правильно слушатели усвоили курсъ. У насъ же студенты ходятъ слушать только модныя лекціи популярничающихъ профессоровъ, а передъ экзаменомъ за нѣсколько дней прочтутъ купленный у букиниста учебникъ и кое-что расскажутъ со свѣжей памяти снисходительному экзаменатору. А зачетное сочиненіе всегда напишетъ за 25 рублей нуждающійся товарищъ.

— Эсъ-деки и эсъ-эры постановили, что университеты имъ нужны для «сконцентраціи революціонныхъ силъ». Но политика и наука вмѣстѣ ужиться не могутъ. Наука всегда была свободна и независима и не можетъ вынести, чтобы ее поработили во власть политики. Наука начинаетъ испаряться изъ университетовъ.

— Если не испарилась уже.

— Волны невѣжества и наглаго политиканства

разлились по храмамъ науки и обратили ихъ въ базарную площадь, куда, при отсутствіи контроля, можетъ войти свободно всякій уличный прохожій, посѣтить лекцію какого угодно профессора и даже выразить свое неудовольствіе, если лекція покажется скучной и непонятной..

Откуда мила? *)

✽

Въ № 600 газеты «Россія» была помѣщена статья г. Вас. Янчевецкаго: «Надвигающаяся мгла». По этому поводу я скажу нѣсколько словъ, дополняющихъ статью г. Янчевецкаго. Я не отрицаю, что опасеніе передъ «надвигающеюся мглою» слишкомъ вѣрно подмѣчено, не отрицаю наглости поведенія героевъ освободительнаго движенія, вродѣ еврея Шора. Но, мнѣ кажется, что вопросъ о «надвигающейся мглѣ», о грядущемъ упадкѣ образованія необходимо поставить нѣсколько шире. И такая постановка прямо необходима въ защиту нѣсколькихъ тысячъ студентовъ. Не все студенчество ищетъ полученія дипломовъ безъ затраты времени на научныя работы и занятія. Дѣйствительность университетской жизни показываетъ, что именно

*) Выше приведенная статья, напечатанная въ «Россіи», вызвала отвѣтъ студента СПБ. университета г. Д. П. Якушева, который приводится полностью.

въ данное время, какъ никогда за послѣдніе годы, студенчество усиленно принялось за занятія. Вопросы научнаго плана настолько студентами признаются важными и огромными по своему объему, что студенчество не довольствуется однимъ лишь выслушиваніемъ лекцій профессора по данному предмету. Студенты группируются въ союзы для совмѣстнаго подробнаго изученія интересующаго ихъ предмета. Въ настоящее время въ университетѣ мы видимъ цѣлую массу такихъ научныхъ кружковъ и семинарій и многими изъ нихъ руководятъ профессора. Политиканство нѣкоторыхъ изъ кружковъ еще не даетъ достаточнаго основанія бросать такой-же упрекъ имъ всѣмъ.

Кромѣ того, мнѣ кажется, что въ «надвигающейся мглѣ» виноваты и профессора. Къ сожалѣнію, какъ это ни грустно, приходится сказать, что большинство изъ нашихъ профессоровъ не даетъ намъ добраго примѣра въ работѣ мысли, въ разработкѣ научныхъ вопросовъ. Они не идутъ дальше чтенія «своего» курса, часто въ двѣсти—триста страницъ. И это дѣлается изъ года въ годъ. Между тѣмъ, въ списокѣ пособій по своему предмету они указываютъ массу литературы иностранныхъ авторовъ по тому же вопросу. Подавляющее большинство студентовъ лишено возможности ознакомиться съ этими трудами. По недостаточному знанію новыхъ языковъ въ

подлинникѣ ихъ не прочтешь, а въ переводѣ они не имѣются. Здѣсь профессора должны бы придти на помощь студентамъ и, вмѣсто «своего» курса, который студенты могутъ купить,—на лекціяхъ должны бы знакомить студентовъ съ литературою предмета, часто весьма и весьма обширною и интересною. Тогда бы студенты не «заглядывали изрѣдка въ аудиторію», а старательно работали бы подъ руководствомъ профессоровъ.

Пониженіе научнаго уровня среди студентовъ не должно пугать насъ. Явленіе это временное и причина его заключается въ томъ, что въ университетѣ широкою волною хлынула народная масса. Свѣтлый умъ народа еще впервые переживаетъ конечные выводы и данныя науки, о которой онъ прежде лишь мечталъ, а теперь жадно пьетъ отъ этого источника вѣчной истины. Въ ихъ умѣ лишь впервые создается запасъ опытовъ усвоенія научной мысли, котораго они преемственно не получили отъ своихъ предыдущихъ поколѣній. Здѣсь-то и заключается кажущееся пониженіе научнаго уровня. Бояться слѣдуетъ другого, а именно, что такое студенчество, выйдя изъ бѣдной матеріальными средствами среды, не сможетъ докончить своего образованія по недостатку средствъ. Поддержать ихъ въ такую минуту—святой долгъ каждаго, кто болѣе ихъ счастливъ въ условіяхъ жизни. Массѣ тепе-

решняго студенчества не подѣ силу платить громадную сумму за право ученія и слушаніе лекцій. Вопросъ этотъ ждетъ своего немедленнаго разрѣшенія въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Въ заключеніе скажу еще, что для поднятія научнаго уровня студенчества необходимо принять мѣры, чтобы богатѣйшая университетская библіотека не была фикціей. Ею почти нельзя пользоваться: однѣ книги не выдаются на домъ, другія имѣются въ одномъ экземплярѣ, третьи—изданія старше 50-ти лѣтъ, совсѣмъ нельзя получить.

Студентъ.

Деревенская молодежь.

— Манька, сегодня Петька обѣщался на супрядки съ тальянкой придти, плясать будемъ.

— А положить-ли кто намъ на свѣчки?

— Жди! Наши ребята даромъ цѣловаться ходятъ. Говорятъ: и то вамъ честь, что къ маленькимъ мы пришли!

— А ты-бы попросила своего Ванюху положить на всю компанію, онъ-бы и далъ!

Такими фразами обмѣнялись двѣ дѣвочки 10 и 12 лѣтъ, собираясь на свою дѣтскую «супрядку». У cadaго возраста своя «супрядка». Есть для маленькихъ, которыя утромъ ходятъ въ школу, а вечеромъ собираются въ просторной избѣ, прядутъ нитки, поютъ новыя пѣсни—*частушки*—и играютъ въ разныя игры. Подростки въ 14—16 лѣтъ собираются тоже отдѣльно, и, наконецъ, взрослые дѣвушки имѣютъ свои, старательно устроенныя «супрядки» и своихъ постоянныхъ участницъ съ ихъ поклонниками. Въ каждой деревнѣ есть 2—3 или болѣе такихъ супрядокъ,

и между ними происходит соревнованіе и въ умѣніи пѣть и танцовать, и въ одеждѣ участниковъ, и въ убранствѣ избы, такъ что тотъ, кто переходитъ изъ одной супрядки въ другую, «измѣняетъ компаніи».

Съ сыномъ хозяина, у котораго я ночевалъ, мы вышли на улицу и присоединились къ толпѣ парней, которые медленно шли вдоль деревни и пѣли пѣсни. Мѣсяцъ былъ на ущербѣ, и снѣгъ, засыпавшій все кругомъ, освѣщался слабымъ голубоватымъ свѣтомъ. Въ избахъ свѣтились маленькія окошечки, въ которыхъ мелькали темные силуэты, ребяташки припадали къ стеклу, стараясь рассмотреть, кто поетъ на улицѣ. Парни пѣли въ унисонъ и очень быстрой скороговоркой. Впереди шелъ парень побойчѣе и подыгрывалъ на гармоніи.

Когда я привыкъ къ темпу и сталъ разбирать слова, я услышалъ такую порнографію, дальше которой идти некуда. Здѣсь разнузданность мысли и циничность глумились надъ всѣмъ святымъ, почитаемымъ, и не было ничего, кажется, чего-бы ни задѣлъ этотъ молодой нахальный крикъ съ визжащей гармоніей; онъ обращался и на небо, и на церковь, осмѣивалъ то-же «начальство», передъ которымъ вчера снималась шапка, копался и выворачивалъ на свѣтъ такія мерзости, какія только могли придти на умъ разнузданному полупьяному парню. Все это пѣлось съ под-

мигиваніемъ и подчеркиваніемъ,—смотри, дескать, народъ честной, какіе мы лихіе ребята! Когда парни проходили мимо сильно освѣщенной избы, пѣсня усиливалась,—«чтобы пробрало ихъ хорошенько». Въ одной избѣ отворилось окошечко, и показалась всклокоченная голова мужика, который закричалъ:

— Безстыжіе богохульники, стыда на васъ нѣтъ!

Парни загоготали и принялись пуще выкрикивать свои пѣсни. Съ присвистомъ, гвалтомъ и топотомъ ввалилась наша толпа въ избу, изъ которой слышалось пронзительно-визгливое бабье пѣнье. Уже безъ насъ тамъ было много народу, и съ нашимъ приходомъ стало и тѣсно, и жарко. Комната съ низкимъ потолкомъ была вся обклеена «газетинами», по стѣнамъ на лавкахъ сидѣли дѣвушки въ ситцевыхъ, туго натянутыхъ кофточкахъ, съ прялками въ рукахъ и пронзительно пѣли пѣсни. Возлѣ нѣкоторыхъ сидѣли парни, обхвативъ за пышную талію руками, и что-то нашептывали на ухо, отчего ихъ собесѣдницы фыркали, закрывая ротъ рукой. Увидавъ среди пришедшихъ новое лицо, онѣ, окончивъ куплетъ, запѣли:

Чужаки вы чужаки,
У васъ зелены кушаки;
Хоть вы и въ поднадевочкѣ,
У насъ форсисты дѣвочки.

Нужно было задобрить эту публику, и я далъ двугривенный на свѣчки. Сидѣвшіе парни, увидѣвъ, что я уважилъ компанію, заявили мнѣ съ достоинствомъ:

— Садись, молодецъ хорошій, къ нашимъ барышнямъ, мы ничего противъ того не имѣемъ.

Снова запѣлись пронзительныя пѣсни-частушки,—куплеты въ четыре строчки съ римами. Въ какомъ онѣ родѣ,—могутъ послужить слѣдующіе примѣры:

Меня маменька ругала,
Зачѣмъ съ пьянымъ я гуляла.
А я маменькѣ въ отвѣтъ:
У насъ тверезыхъ вовсе нѣтъ.

.....
Стояла у чуланчика,
Любила новобранчика,—
Стояла у тесоваго,—
Любила развеселаго.

.....
Кину, кину, перекину
Черезъ рѣчку баночку,
Говоритъ мамаша сыну:
Не бросай бѣляночку.

Вотъ, какова современная поэзія. Напрасно только думать, что это наборъ словъ вовсе безъ всякаго значенія. Въ соотвѣтствующей средѣ, въ своей обстановкѣ эти пѣсни-частушки говорятъ очень много фантазіи крестьянъ; два-три слова,

намъ непонятныхъ и безсмысленныхъ, пѣвецъ умѣетъ подчеркнуть и пропѣть съ такимъ значеніемъ, съ такими намеками на кого-либо изъ присутствующихъ или вообще на что-нибудь, что я долженъ былъ измѣнить свое скептическое отношеніе къ современной русской пѣснѣ, какъ къ чему-то почти бессознательному. Я полагаю, что современная пѣсня, и крестьянская, и фабричная, находится въ переходномъ, не выработавшемся еще состояніи, и изъ народной толпы должны выйти русскіе Беранже, которые запоютъ болѣе отдѣланныя хлесткія пѣсни, которыя и пойдутъ гулять по Россіи. Старинныя, протяжныя и поэтичныя пѣсни уже переводятся, ихъ перезабыли уже и старики, но обрывки вымирающей народной поэзіи перекладываются въ рѣмы, скандуются, и въ этой формѣ пѣсня снова начинаетъ возрождаться, но какая?..

Послѣ пѣнія начались танцы. Составилась «кадрель», фигурами немного напоминающая городскую. Парни все время мѣняли своихъ дамъ, перебрасывая ихъ изъ объятій въ объятія, а сами въ то-же время дѣлали очень быстрые верты ногами. Послѣ первыхъ паръ стали танцовать новыя; лица раскраснѣлись, глаза заблестѣли, въ избѣ становилось душнѣе; почти возлѣ каждой сидѣвшей дѣвушки появился ея «пріяточка»; объятія и поцѣлуи сдѣлались продолжительнѣе. Пѣсни смолкли. Одна только гармо-

нія безпрерывно визжала и покрывала собой и шумъ толпы, и топотъ танцующихъ.

— Ребята, сейчас новобранцы придуть, — крикнулъ маленькій мальчишка, выскочившій на середину избы и торопившійся возвѣстить эту важную новость. — Сейчас идутъ мимо Трифонова двора. Петька-то цѣлый день плакалъ навзрыдь, его зовутъ некруты идти вмѣстѣ прощаться, а онъ припадетъ, обернется, махнетъ рукой и опять...

Расталкивая ребятъ, въ избу вбѣжали три парня, принарядившихся для дороги. Они подошли къ тремъ дѣвушкамъ, которыя сидѣли одиноко со своими прялками, и стали ихъ обнимать и цѣловать.

— Смотри, Манька, — шепчетъ одинъ, — не вздумай забыть меня, потерпи до возвращенья. Письма писать тебѣ буду, и ты пошли мнѣ вѣсточку.

— Да ты, Петька, вѣдь въ городъ ѣдешь. Городскія барышни красивыя да лукавыя. Забудешь меня, дѣвчонку!

— Ну, прощайте, барышни дорогія, прощайте, молодцы хорошіе! Дай вамъ Богъ! Не поминайте лихомъ?

— Прощайте, ребята, кланяйтесь нашимъ въ полку!

Новобранцы поцѣловались по очереди съ пар-

нями, потомъ съ нѣкоторыми «барышнями». Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. Въ избѣ снова завизжала гармоника, и опять пошли пронзительныя пѣсни.

С. Кіевка, Порховск. у.

Молодые силы.

-12-

Въ открытомъ полѣ шелъ молодой человѣкъ, спотыкаясь по замерзшимъ колеямъ дороги. Вѣтеръ свистѣлъ, несъ по равнинѣ снѣжную пыль, наметалъ кучи снѣга во всѣ ямки и выбоины. Замерзшія поля чернѣли кругомъ, на межѣ вдоль дороги шелестѣлъ сухой желтый бурьянъ.

Засунувъ руки въ карманы черного потертаго пальто, съ поднятымъ воротникомъ, молодой человѣкъ настойчиво шагаль въ высокихъ сапогахъ, повернувшись спиной къ вѣтру, и вся его съжившаяся фигура показывала, что пронизывающій вѣтеръ сильно его донималъ.

Кое-гдѣ на горизонтѣ, въ синеватой морозной дали, виднѣлись темныя деревенскія избы и отдѣльныя рѣдкія деревья.

— Чортъ знаетъ, какъ холодно, бормоталъ путникъ. Угораздило меня забраться къ этимъ дикарямъ. Небось слушать рассказы—такъ всѣ на даровщину слушали, а ни одинъ не сообра-

зилъ меня подвезти дальше. А до станціи еще придется по этому полю переть верстъ шесть.

Сзади по дорогѣ слышалось шуршанье саней и покрикиваніе мужика. Небольшая рыжая лошадь, съ толстыми мохнатыми ногами и отвисшимъ брюхомъ, то шагомъ, то рысью тащила розвальни съ сѣномъ, на которыхъ сидѣлъ мужикъ въ армякѣ поверхъ полушубка, съ поднятымъ выше головы воротникомъ, съ нахлобученной шапкой. Мужикъ поглядывалъ кругомъ блестящими масляными глазками и хлесталъ кнутомъ лошадь, когда снѣгъ на дорогѣ кончался и по глинистымъ замерзшимъ кочкамъ лошадь, помахивая головой, тащила шагомъ скрипучія розвальни.

— Эй, шляпа, тебѣ на станцію, что-ли, садись, подвезу.

Мужикъ остановилъ лошадь и, видя, что у молодого человѣка все лицо отъ холода посинѣло, уступилъ ему свой поряжѣвшій армякъ.

— Мнѣ и въ шубѣ тепло; а армякъ я одѣваю отъ вѣтра больше или дожда.

Молодой путникъ съ удовольствіемъ одѣлся въ широкій домотканый армякъ и легъ на дровни, зарывъ ноги въ сѣно.

— Ты, баринъ, откуда же идешь?

— Я не баринъ, а товарищъ.

— Такъ-съ, это мы понимаемъ. Значить безъ должности?

— Нѣтъ, всѣ люди равны, всѣ одинаковы, значить ты мнѣ товарищъ, братъ — и я тебѣ.

— Такъ-съ. Это я слышалъ. Значить, что всѣ равны передъ Богомъ, богатые ли, бѣдные ли. Это ты въ Покровкѣ, кажется, съ мужиками разговаривалъ насчетъ податей и Думы? Я только что подѣхалъ и остался коня кормить.

— Дураки ваши покровскіе мужики, никакихъ своихъ обязанностей не понимаютъ.

— Зачѣмъ? Покровскіе мужики зажиточные, хорошо живутъ. Проѣзжая дорога къ тому же.

— Я не про то говорю. Есть долгъ передъ народомъ.

— Насчетъ долга я не слышалъ, напротивъ имъ многіе задолжали.

— Ты меня не понимаешь, нельзя думать только о своемъ карманѣ, нужно и о благѣ ближнихъ позаботиться.

— Понятно, надо помогать бѣдному, или прохожему, или страннику... Мужикъ помолчалъ немного, потомъ сказалъ:

— Ты, можетъ проголодался, озябъ, хочешь, мнѣ баба на дорогу пироги съ лукомъ положила.

— Давай, что-ли, спасибо.

Мужикъ порылся въ сѣнѣ и досталъ завернутые въ розовый платокъ нѣсколько длинныхъ помятыхъ пирожковъ и оба сѣдока съ аппетитомъ ихъ быстро съѣли.

— Знаешь что, землякъ, сказалъ мужикъ, ты лучше по деревнямъ не шатайся. Долго-ли до грѣха. Если ты человѣкъ грамотный, поступай лучше на должность: въ приказчики или въ дѣло какое-нибудь. Народъ подбивать легко, а когда расплачиваться ему придется, то вашего брата и слѣдъ простылъ.

Оба замолчали. Лошадь, стуча копытами по мерзлой землѣ и шурша деревянными полозьями по сухимъ землянымъ кочкамъ, мѣрно тащи-ла розвальни.

Мужикъ бормоталъ:

— Все лиціонеры, а прахъ ли въ нихъ...

Молодой человѣкъ бормоталъ:

— Хороши товарищи!

Одичаніе дѣтей.

Газеты даютъ примѣръ за примѣромъ одичанія дѣтей. И на нихъ отразилось жестокое братоубійственное время. Въ Баку, на экзаменахъ въ одномъ учебномъ заведеніи, ученики угрожали учителямъ смертию, если будутъ поставлены дурныя отмѣтки. Въ Лодзи, по сообщенію другой газеты: «одичаніе дѣтей ужасающее. Нѣсколько мальчиковъ во время игры въ скверѣ поссорились. Были пушены въ ходъ дубины, палки и куски желѣза. Въ результатѣ 15-лѣтній Вячеславъ Порода остался на мѣстѣ мертвымъ. Въ связи съ этимъ произошло еще нѣсколько дракъ, при чемъ трое подростковъ получили смертельныя раны».

Участіе юношей въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ, московскій исключенный кадетъ, организовавшій грабежи и убійства, и гимназистка, разѣзжавшая въ Москвѣ на лихачѣ съ революціоннымъ хулиганомъ, стрѣлявшимъ въ городскихъ,—

все это печальные признаки не только распада-
нія общественнаго воспитанія, но и разрушенія
добраго вліянія семьи.

Необходимо начать болѣе усиленное воспита-
ніе дѣтей и въ школѣ и дома,—болѣе занимать-
ся съ ними облагораживающимъ чтеніемъ, сов-
мѣстными прогулками, во время которыхъ ста-
раться объяснять и заинтересовывать дѣтей во
всевозможныхъ встрѣчаемыхъ явленіяхъ, зани-
маться совмѣстно съ дѣтьми какими-нибудь ра-
ботами, спортомъ, играми,—и вообще какъ мож-
но больше быть съ дѣтьми,—не оставляя ихъ
на произволъ судьбы и случайностей.

Въ столь безпокойное время, какъ нынѣшнее,
извѣстія объ убійствахъ, грабежахъ крупныхъ
суммъ денегъ, при развращающемъ подсвистыва-
ніи уличныхъ газетныхъ листковъ,—все это силь-
но дѣйствуетъ на воображеніе и на всю нерв-
ную систему дѣтскаго организма. Поэтому дѣ-
ти особенно ждуть объясненій, простой искрен-
ней бесѣды съ ними,—но только не какъ съ
дѣтьми,—дѣтскимъ, глупымъ сюсюкающимъ язы-
комъ,— а какъ съ друзьями, вполне понимаю-
щими всякую тему, какую вы не возьмете, хотя
бы это было объясненіе политическихъ явленій.

Масса самоубійствъ и среди подростковъ и
взрослыхъ показываетъ, что слабые нервные
организмы не въ состояніи выносить того на-
пряженнаго настроенія, которое царитъ въ обще-

ствѣ. Въ такое время нельзя дѣтей оставлять однихъ, со своими думами, безъ вліянія семьи и воспитателя.

Къ сожалѣнію, русская семья еще не оправилась отъ того раскола, который появился послѣ смѣны стараго уклада новымъ и который такъ сильно царилъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда «дѣти» не понимали «отцовъ» и обратно. Нынѣшняя семья уже являетъ примѣры, что сыновья продолжаютъ традиціи и убѣжденія отцовъ, какъ въ консервативномъ, такъ и въ либеральномъ направленіи,—но это все явленія скорѣе единичныя, а не общее правило.

Кто вѣритъ въ великое будущее Россіи,—тотъ долженъ вѣритъ, что и современный хаосъ пройдетъ, и убійства прекратятся,—и разовьются всѣ положительныя стороны русской жизни, окрѣпнутъ и облагородятся семейныя начала, воспитаніе получить свое прежнее значеніе, школьная жизнь войдетъ въ норму и возьмутъ верхъ всѣ нравственныя, идеальныя христіанскія начала.

Если не вѣритъ въ лучшее будущее,—тогда и жить нельзя, а надо поступать какъ тѣ бабы, которыя во время солнечнаго затменія рѣшили, что настало второе пришествіе: легли на землю и стали ждать смерти.

Революціонныя безчинства, убійства и другія преступленія, во имя якобы освободительнаго движенія—свою положительную роль сдѣлали,—

они показали всю сладость мирного порядка, спокойствія, возвысили идею чистыхъ нравственныхъ началъ, христіанской жизни.

Реакція нравственная, успокоительная идетъ уже снизу, въ самомъ обществѣ, въ самомъ народѣ. Эта реакція общественная уже осудила всѣ убійства и преступленія, во имя какихъ бы красивыхъ словъ они ни производились. Эта реакція въ обществѣ замѣтна всюду и мы наканунѣ возрожденія жизни на новыхъ началахъ,—какъ послѣдствіе отвращенія отъ невозможныхъ ужасовъ революціоннаго террора.

Въ это тяжелое переходное время нужно принять особыя старанія, чтобы уберечь души нашихъ дѣтей отъ загрязненія разнузданной порнографіей освобожденной русской литературы, и отъ отравленія ихъ той злобой, ненавистью и пессимизмомъ, которыми полны революціонныя изданія и газеты.

Этотъ духъ злобы и унынія революціонной печати дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на ту юную голову, которая начитается «мухоморныхъ» красныхъ книжекъ. Ничего похожаго на жизнерадостный бодрый подъемъ духа, царившій, напримѣръ, у итальянскихъ революціонеровъ, поднявшихъ возстаніе противъ австрійцевъ за освобожденіе Италіи. Тогда все движеніе было національно, патріотично, и дѣйствительно итальянцы боролись за свободу родной страны.

Но они не грабили своихъ же братьевъ, они не совершали преступленій.

Русскіе же революціонеры прежде всего работаютъ не за объединеніе, укрѣпленіе Россіи, а за ея распаденіе, ея ослабленіе,—они антинаціональны,—всѣ они издѣваются надъ словомъ «русскій», «истинно-русскій», для нихъ нѣтъ идеи величія, могущества, свободы Россіи. Вся русская революція, подлая, грабительская, воровская, полна нарушенія всѣхъ христіанскихъ заповѣдей и завітовъ, прежде всего потому, что русскіе революціонеры не христіане, среди нихъ слишкомъ много враговъ Христа, а остальные—люди безъ вѣры, какъ и безъ какой-либо любви къ ближнему.

Русскіе революціонеры не гнушаются дружбой съ самыми ужасными, грязными подонками общества, съ той бандой хулигановъ, развратителей, воровъ, убійцъ—которыхъ на западѣ всегда называли «чёрной сотней». Но перетасовывая слова и понятія, революціонная печать назвала «черносотенцами» всѣхъ тѣхъ патріотовъ, кто дѣйствительно сталъ въ защиту родины и религіи отъ нападенія—разбоя, разврата и невѣрія.

Надо оберегать дѣтей отъ этой печати, которая, какъ фальшивыя рѣчи думскихъ ораторовъ, выдаетъ преступленія за добродѣтели, а доблесть за порокъ. Нужно воспитать дѣтей на вѣчныхъ образцахъ міровой литературы, на Гомерѣ, Эври-

пидѣ, на Шиллерѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ,—на тѣхъ писателяхъ, которые знали, что такое доблесть, честь и правда.

«Старайся быть первымъ и лучшимъ среди другихъ, чтобы не опозорить рода отцовъ», училъ Гомеръ.

«Не нужно крови намъ и стонувъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ»,—
училъ противникъ звѣрства и насилія Пушкинъ.

Только на вѣчныхъ идеальныхъ началахъ можно воспитать идеальное юношество.

Свобода или дисциплина?

По Россіи путешествовалъ нѣсколько мѣсяцевъ съ научной цѣлью молодой ученый ливерпульскаго университета по кафедрѣ педагогики Н. Crawford. Я разспрашивалъ англичанина, изучающаго наши среднія и низшія школы, о его главныхъ впечатлѣніяхъ.

— Въ вашей русской гимназіи, говорилъ г. Крафордъ, меня поразило нѣсколько странныхъ явленій. Во-первыхъ, отсутствіе традицій въ школѣ. Наша школа, — каждая въ отдѣльности, — имѣетъ свои особые обычаи, свои изъ года въ годъ, установившіяся правила, свой собственный духъ. У насъ директоръ школы руководить ею по двадцать лѣтъ и умѣетъ установить свою наилучшую систему воспитанія. У васъ не рѣдкость, что директоръ гимназіи прослужитъ два—три года, и затѣмъ переводится въ другую гимназію. Если у ученика постоянно мѣняются преподаватели, то это не воспитаніе и никакого полезнаго резуль-

тата быть не можетъ. Если мѣняются часто директора, то въ школѣ не можетъ быть традицій, школа не можетъ воспитывать дѣтей, а только ломаетъ ихъ характеры. Затѣмъ, такъ какъ въ гимназіи нѣтъ педагогической системы, то дѣти постоянно имѣютъ свободное время, когда не знаютъ, что имъ дѣлать, поэтому идутъ въ темную комнату и тамъ курятъ.

Въ англійской школѣ каждая минута ученика занята,—ему нѣтъ времени ничего не дѣлать, цѣлый день распределенъ такъ разумно и интересно, что вниманіе ученика поочередно занято всегда тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Англійскія дѣти очень много играютъ въ игры, гдѣ требуется состязаніе, соперничество, это все время ихъ подзадориваетъ и развиваетъ инициативу, сообразительность, желаніе побѣдить,—а одновременно укрѣпляетъ здоровье и мускулы. А русскія дѣти сидятъ за книжками и скучаютъ.

— Кромѣ того,—сказалъ англичанинъ, у васъ очень плохо поставлено преподаваніе Закона Божія. Священники преподаютъ священную исторію какъ учебный предметъ, но не имѣютъ занятій съ учениками и собесѣдованій о нравственности, о самоусовершенствованіи, о стремленіи къ доблести.

Англичанинъ указалъ на очень важныя недостатки современной русской гимназіи, отсутствіе въ ней *воспитательнаго духа*:—для чего суще-

ствуют и поддерживаются *традиции* школы, какъ не въ силу того воспитательнаго впечатлѣнія, которое традиции производятъ на свободную душу ребенка?

Мы наканунѣ пересозданія русской школы, или вѣрнѣе современнаго «безшколья»,—въ національную русскую школу, воспитывающую патріотическихъ гражданъ и дающую рациональное образованіе.

* * *

Въ современныхъ педагогическихъ кружкахъ можно замѣтить два теченія. Одно, захватившее громадный кругъ послѣдователей, имѣющее однимъ изъ своихъ самыхъ видныхъ вождей графа Л. Н. Толстого,—ученіе о свободной школѣ. Другое теченіе, очень слабое, которое я бы назвалъ—ученіе о дисциплинированной, систематической школѣ, имѣетъ однимъ изъ немногихъ своихъ проповѣдниковъ—С. А. Рачинскаго.

Въ то время какъ Толстой клочкоталъ, какъ огнедышащій вулканъ, привлекая взоры всего міра, и кипѣлъ бездной мыслей вокругъ созданной имъ Яснополянской школы, съ убѣжденной искренностью создавалъ и отвергалъ одну школьную теорію за другой, Рачинскій, какъ восковая свѣча, одиноко свѣтился въ своемъ уединенномъ среди Бѣльскихъ лѣсовъ Татевѣ, стараясь создать типъ русской національной сельской школы.

Кто изъ нихъ шель по вѣрному пути, кто добился лучшаго результата, и кто принесть больше пользы?

* * *

Толстой говорить: «отыскивая причину зла въ мірѣ, я все углублялся: сначала причиной зла я представлялъ себѣ злыхъ людей, потомъ дурное общественное устройство, потомъ то насиліе, которое поддерживаетъ это дурное устройство, потомъ участіе въ насиліи тѣхъ людей, которые страдаютъ отъ него,—войска, потомъ отсутствіе религіи въ этихъ людяхъ, и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что корень всего—*религіозное воспитаніе*. И потому, чтобы исправить зло, надо не смѣнять людей, не нарушать насилія, не отговаривать людей отъ участія въ насиліи и даже не опровергать ложной и излагать истинную религію,—а только *воспитывать дѣтей въ истинной религіи*».

Рачинскій указываетъ на расколъ, на «взаимное непониманіе, на полное отчужденіе, ту бездну, которая отдѣляетъ у насъ массу народа отъ образованныхъ его слоевъ». «Пора намъ вспомнить, что у насъ подъ ногами есть общая почва и твердо и сознательно стать на нее. Пора сознать, что настало время взаимодѣйствія, благотворнаго для обѣихъ сторонъ,—постояннаго, ежедневнаго. Почва этого взаимодѣйствія, этого еди-

ненія—*церковь*; орудіе его *школа*, и по преимуществу—*школа сельская*.

Рачинскій и Толстой пришли къ одному пути для вліянія на народъ, для перевоспитанія его къ лучшему, для уменьшенія зла въ мірѣ,—воспитаніе дѣтей въ истинной религіи.

Но у Рачинскаго истинная религія—православная, со всѣмъ глубокимъ, разнообразнымъ міромъ, окружающимъ *церковь*, съ пѣснопѣніями, богослуженіями, священными книгами, со всѣмъ тѣмъ, что дорого каждому православному вѣрующему. Толстой отвергаетъ православіе, не только не признаетъ всѣ обряды, имѣющіе въ себѣ много поэтическаго, производящіе сильное впечатлѣніе на дѣтей, — а потому имѣющіе прекрасное воспитательное значеніе, но Толстой не признаетъ и даже какъ будто умышленно глумится надъ святыми таинствами,—оставивъ изъ всей религіи очень ограниченную «мою вѣру».

Какъ бы то ни было, важно то, что Толстой считаетъ вѣру, любовь, религію — необходимой основой воспитанія. Этимъ онъ выдѣляется изъ числа тѣхъ защитниковъ «свободной школы», — которые религію вовсе изгоняютъ изъ классной комнаты.

* * *

Толстой занимался съ увлеченіемъ нѣсколько лѣтъ съ дѣтьми въ Яснополянской школѣ, напи-

салъ весьма цѣнные руководства для ученія и занятій. Затѣмъ это занятіе ему надобно, онъ бросилъ дѣтей и принялся за другія занятія. Теперь Толстой снова принялся за «босоногій университетъ», какъ онъ называетъ, и занимается съ ними по своей собственной системѣ. Мы неизвѣстно, довелъ-ли Толстой воспитаніе своихъ учениковъ до конца, далъ-ли имъ законченное образованіе, сдѣлалъ-ли кого-нибудь изъ дѣтей дѣйствительно своимъ ученикомъ.

Рачинскій это сдѣлалъ. Онъ всецѣло отдалъ себя на служеніе дѣтямъ и можно насчитать много лицъ, — священниковъ, учителей, извѣстнаго художника Богданова - Бѣльскаго, — которыхъ Рачинскій провелъ отъ первыхъ складовъ букваря до духовной академіи, академіи художествъ, учительскаго института и пр

Рачинскій бросилъ университетъ, гдѣ былъ профессоромъ, устроилъ на свои средства общежитіе для дѣтей, самъ ихъ училъ, самъ воспитывалъ, все свободное отъ занятій время проводилъ вмѣстѣ съ ними, создавая воспитательныя развлечения.

«Дѣло народной школы шире, чѣмъ всякая иная общественная дѣятельность. Для того, чтобы осилить его, намъ нужно совершить внутренній подвигъ», пишетъ Рачинскій, въ теченіе многихъ лѣтъ выполнивъ тотъ подвигъ, который дѣлаютъ многіе неизвѣстные, скромные, бѣдствующіе

шіе, нуждающіеся подвижники, — наши народные учителя.

* * *

«Я не только не измѣнилъ своего взгляда, пишетъ Толстой, на необходимость удовлетворенія самому своимъ самымъ первымъ потребностямъ, но живѣе, чѣмъ когда-нибудь, чувствую важность этого и свой грѣхъ неисполненія этого». «Моя дѣятельность, какъ бы она ни казалась полезной нѣкоторымъ людямъ, теряетъ, — хочется думать, что не все, но уже навѣрное самую большую долю своего значенія, вслѣдствіе неисполненія самого главнаго признака *искренности* того, что я исповѣдую».

Всѣ опыты, которые дѣлалъ Л. Толстой съ преподаваніемъ ли дѣтямъ, съ шитьемъ сапоговъ или пахотой, — нужно помнить, что это были только опыты, которые потомъ были заброшены, и что эти опыты производилъ человѣкъ выдающихся дарованій. Поэтому система воспитанія, проповѣдуемая и испробованная Толстымъ, можетъ оказаться не по силамъ обыкновенному учителю.

Политическое воспитаніе народа.

Въ современной русской школѣ всѣхъ видовъ отсутствуетъ одна очень важная сторона—политическое воспитаніе народа. Школа даетъ первоначальное и общее образованіе, но выпускаетъ юношу въ жизнь совершенно не подготовленнымъ къ тѣмъ политическимъ теченіямъ, которыя его сейчасъ же окружаютъ и въ университетѣ, и въ каждомъ собраніи.

Школа не даетъ юношѣ фундамента, на которомъ онъ бы прочно стоялъ и боролся противъ натиска анархическихъ ученій, которыми хотятъ его завлечь въ водоворотъ политическихъ страстей. Школа не дѣлаетъ юношу патріотичнымъ, полнымъ чувства національности и пониманія національных и государственныхъ интересовъ.

Все это имѣется только у тѣхъ юношей, которые попадали въ особо исключительную обстановку,—получали національное воспитаніе въ счастливо сложившейся семьѣ, учились у преподава-

теля, не заботившагося только о формальномъ соблюденіи программы, но который старался дать ученикамъ болѣе того, что отъ него требовалось, -- старался «воспитывать» юныхъ гражданъ.

Но вообще учителя не были «учителями» въ высокомъ значеніи этого слова, учителями высокой жизни, а только преподавателями по установленной министерствомъ программѣ.

Мы переживаемъ до сихъ поръ слѣды того времени, когда, вмѣсто того, чтобы начать съ помощью школы борьбу съ равнодушіемъ къ религіи и высшимъ идеаламъ жизни, отсутствіемъ любви къ родинѣ, разочарованнымъ мрачнымъ отношеніемъ къ жизни и другими недостатками современнаго поколѣнія, вожди школы пугливо отказались отъ активныхъ дѣйствій, отъ живого слова въ школѣ, а для успокоенія школьной смуты обратились за помощью и совѣтами къ родительскимъ комитетамъ. Между тѣмъ не отступленія, не бѣгства отъ жизни нужно было ждать отъ школы, а самой горячей борьбы, наступленія противъ разлагающихъ теченій въ жизни юношества, а для этого нужна одна общая строго обдуманная программа національнаго воспитанія русскихъ дѣтей во всѣхъ школахъ имперіи, объединенная война всѣхъ учителей юношества въ защиту этихъ же дѣтей, въ которыхъ весь залогъ свѣтлаго будущаго родины.

Нельзя жить непротивленіемъ злу, покорно-

стью, исканіемъ чужихъ совѣтовъ, —непротивленіе развращаетъ слабого и разслабляетъ сильнаго. Покорный, не имѣющій мужества, не можетъ быть воспитателемъ, а цѣлью воспитателя должно быть прежде всего воспитаніе мужества и благородства душевнаго.

Между тѣмъ составъ учителей не вполне соответствуетъ тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдовало-бы правильно поставленное національное воспитаніе народа. Воинская повинность даетъ льготы учителямъ, избавляя ихъ отъ необходимости служить въ рядахъ арміи. Эту льготу можно было понять какъ временную мѣру, съ цѣлью привлеченія молодежи въ ряды учителей, если-бы никто не шелъ, но человекъ, который становится учителемъ не по призванію, а въ силу боязни военной службы, —самый худшій элементъ въ учительскомъ составѣ.

Воинская же повинность оставляетъ особую выправку и закалъ, которые для учителя всегда будутъ цѣнными качествами, если требовать отъ воспитателя, чтобы онъ воспитывалъ въ мальчикѣ мужество и тѣ качества доблести, которыя подразумѣвались у римлянъ подъ именемъ *virtus*. Для чего же искусственно удалять изъ учительскаго состава бывшихъ воиновъ? Наоборотъ, было бы наиболѣе цѣннымъ видѣть сельскимъ учителемъ ветерана войны, давать предпочтеніе при назначеніи на учительскую должность въ деревнѣ

отставному унтеръ-офицеру. Въ старое время, когда въ деревняхъ казенныхъ школъ не было, отставные суворовскіе и николаевскіе солдаты обыкновенно оказывались вольнонаемными учителями грамоты. Мы тоже учили стихи про наполеоновскаго солдата:

На лужайкѣ дѣтскій крикъ.

Учить грамотѣ ребятъ

Весь съдой ворчунъ—старикъ

Отставной солдатъ...

Я согнулся, я ужъ слабъ,

А виды видалъ,

Унтеръ не былъ бы, когда-бъ

Грамотѣ не зналъ...

— Но позвольте,—возразить мнѣ поклонники космополитическаго воспитанія,—хороша будетъ грамотность, если унтеръ-офицеровъ посадить вмѣсто учениковъ учительскихъ институтовъ.

На это нужно возразить, что для обученія грамотности унтеръ-офицеръ можетъ оказаться совершенно достаточнымъ, но нельзя и сравнить значеніе бывшаго солдата въ воспитательномъ отношеніи. Солдатъ знаетъ, что такое дисциплина, понятіе о которой совершенно выдыхается изъ нашей школы. Само слово дисциплина значитъ «выучка». Воспитаніе безъ дисциплины не мыслимо, иначе въ душѣ ребенка явится то разложеніе, разладъ и безволіе, съ которымъ приходится считаться въ настоящее время. И у толковаго

унтеръ-офицера гораздо больше понятія о государственности, чѣмъ у извѣстнаго разряда современныхъ учениковъ учительскихъ институтовъ, которые собственное душевное разложеніе и стадный революціонный гипнозъ передаютъ ввѣреннымъ ихъ воспитанію дѣтямъ.

Наши сельскіе учителя, вмѣсто того, чтобы проводить въ школахъ государственныя идеи, большей частью состоятъ изъ того «третьяго элемента», который сыгралъ такую сильную роль въ дѣлѣ революціонизированія народа, подстрекательства къ беспорядкамъ, и который такъ побѣдоносно проводилъ въ Думу крайнихъ революціонеровъ и демократовъ.

А въ ихъ рукахъ находится самая сильная власть въ государствѣ—воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Развалъ школы.

Уже съ трибуны Государственной Думы въ рѣчахъ нѣсколькихъ депутатовъ были высказаны горячія слова о неотложности и важности созданія національной русской школы, которая воспитывала бы гражданина, любящаго родину и вѣрнаго народнымъ идеаламъ. Безъ созданія національной образцовой школы распространеніе всеобщаго образованія въ школѣ, занимающейся революціонной и соціалистической пропагандой, учителями, враждебными религіозному и національному воспитанію, — грозитъ воспитаніемъ такого поколѣнія, которое еще въ большихъ размѣрахъ будетъ полно недостатками и пороками, отравившими нашу современную молодежь.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ современнаго русскаго юноши является безхарактерность, безволіе, стадное подчиненіе тиранніи кружковской дисциплины, полное отсутствіе самостоятельной независимой мысли. Въ медицинскій

академіи оказалось два студента съ независимыми самостоятельными убѣжденіями, которые шли противъ загипнотизированной толпы революціонныхъ неврастениковъ и были ими избиты.

Это вполне понятно и прямо вытекаетъ изъ той школы, въ которой юноши воспитывались.

Съ приготовительнаго класса мальчикъ часто начинать «строить изъ себя Печорина», мрачно смотреть на жизнь, затѣмъ воспитывается на подпольныхъ революціонныхъ брошюрахъ, развращающихъ его главнымъ образомъ той ненавистью ко всему, которой пропитана эта рожденная въ подпольяхъ литература. Эта ненависть, злоба, осужденіе всего кладетъ мрачный, угрюмый, разлагающій осадокъ на характеръ русскаго юноши и онъ совершенно лишается той жизнерадостности, свѣтлаго, «эллинскаго» взгляда на жизнь, любви къ жизни, любви и интереса къ себѣ, своему будущему и будущему родины.

Въ этомъ отношеніи какая поразительная разница между веселымъ, живымъ, жизнерадостнымъ англійскимъ мальчикомъ, у котораго на лицѣ написано счастье отъ собственнаго существованія, у котораго кипятъ силы и надежды на непремѣнно счастливое свое будущее.

Теперь говорятъ о всеобщемъ образованіи, объ учрежденіи сѣти новыхъ школъ, но я не слышу о реформированіи программы школъ, о созданіи новаго обновленнаго кадра учителей, о введеніи

въ программу уроковъ воспитанія нравственности и гражданскаго образованія.

Вмѣсто того, чтобы стараться объять необъятное и устраивать школы по всѣмъ безконечнымъ равнинамъ имперіи, нужно начать съ центра Россіи, съ того центра, который собралъ во едино наше великое государство, и постараться поставить правильно образованіе въ этихъ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, создавъ образцовую національную школу.

Наши окраины поглотили достаточно силъ и денегъ, пора позаботиться о развитіи оставленнаго въ пренебреженіи центра. За это пренебреженіе онъ отомстилъ жестоко и безпорядками и посылкой въ Думу депутатами крайнихъ лѣвыхъ, которые, какъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи (во 2-й Думѣ), по сообщенію «Голоса Самары», не имѣютъ ни знаній, ни подготовки, ни образованія: «изъ 12 человѣкъ одинъ землевладелецъ (?), одинъ съ высшимъ образованіемъ, два съ среднимъ, 8 человѣкъ съ низшимъ или безъ всякаго образованія. Итакъ судьбы Россіи ввѣряются въ руки лицъ едва грамотныхъ, безъ всякихъ знаній и подготовки, но пропитанныхъ ядомъ крайнихъ ученій, безъ надежды разобратся въ нихъ, не могушихъ «отобрать плевелы» и все то вредное, чѣмъ такъ богаты эти ученія».

Но въ этомъ должна часть вины принять на

себя и школа, отсутствіемъ правильнаго воспитанія допустившая появленіе такого поколѣнія.

Нужно начать возрожденіе Россіи съ самаго низа,—съ реформированія или, вѣрнѣе,—созданія національной русской начальной школы.

Угрюмость и разочарованность ведетъ къ уединенію, а уединеніе ведетъ къ тѣмъ тайнымъ порокамъ, которые разрушаютъ и организмъ, и мозгъ, и волю и отъ которыхъ единственное леченіе и спасеніе въ сильныхъ физическихъ упражненіяхъ, въ играхъ и въ обществѣ.

А физическія игры, сколько о нихъ ни писалось, до сихъ поръ въ школахъ не введены,—а въ нихъ одно изъ главныхъ средствъ къ воспитанію характера и сильной воли.

Характеръ воспитывается въ борьбѣ и соревнованіи и въ необходимости моментально находить выходъ изъ затруднительнаго положенія. Это даютъ тѣ игры, на которыхъ воспитывается вся Англія и въ которыхъ участвуютъ англичане отъ того возраста, когда мальчикъ можетъ подбросить ногой тяжелый мячъ, до того момента, когда англичанинъ ложится въ могилу.

Футболъ и крикетъ—игры, въ которыя играютъ по всему земному шару, гдѣ только раздается англійская рѣчь,—должны въ нашей школѣ получить такое же право гражданства, какъ естественныя или уроки нравственности.

Подобныя игры должны быть взяты нашими

педагогами подъ свое покровительство и наблюдение и они должны обучить имъ нашихъ мало-кровныхъ, слаборукихъ учениковъ и вложить имъ въ ихъ вялую душу—самый главный элементъ этихъ игръ—духъ соревнованія.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ гимназіяхъ вводилась военная маршировка, въ связи съ гимнастикой всякаго вида. Эта маршировка потому не привилась, что въ ней нѣтъ элемента борьбы,—а потому она и не заинтересовывала молодежь и постепенно прекратилась. Но тамъ, гдѣ есть борьба, соперничество, тамъ развивается и смѣтливость, и ловкость, и неутомимость, постепенно разворачивая дремлющія силы энергичнаго предприимчиваго характера.

Въ англійскихъ играхъ борются всегда двѣ партіи: приходится поддерживать и выручать «своихъ» и зорко слѣдить за противниками, чтобы воспользоваться каждой оплошностью въ цѣляхъ побѣды.

Побѣда даетъ чувство счастья и жизнерадостности, поражение вызываетъ жажду отыгрыша. Во время игры нужно бѣгать «во всю», быть неутомимымъ, терпѣливымъ, не показывать, что больно, когда получишь ударъ мячомъ, упадешь и ушибешься, все это закаляетъ, укрѣпляетъ, а въ результатѣ дается тотъ первоначальный закалъ и смѣтка, которые сохраняются на всю жизнь и которые развиваютъ характеръ и волю.

А между тѣмъ вышедшіе изъ рукъ воспитателя, или вѣрнѣе, не выдавшіе вовсе правильнаго руководства и воспитанія, русскіе мальчики доходятъ до такого невѣроятнаго сообщества, какъ тайное общество «пива и воли».

«Новое Время» приводитъ изъ орловскихъ газетъ прискорбныя, если онѣ правдивы, данныя объ этомъ «тайномъ обществѣ пива и воли», или «огарки», возникшемъ въ Орлѣ. Членами этого общества состоитъ самая зеленая молодежь, гимназисты и гимназистки.

Цѣль общества—«убить духъ, возродить плоть». Собранія происходятъ по субботамъ. Программа однообразная. Члены общества бесѣдуютъ за бутылками пива, при скудномъ свѣтѣ огарковъ. Затѣмъ, какъ только догораетъ послѣдній огарокъ, всѣ участвующіе приступаютъ къ «возрожденію плоти».

Одинъ изъ защитниковъ общества пишетъ: «Идти въ центръ борьбы не подъ силу полудѣтямъ. Остается два выхода: тупосытіе, сѣрая жизнь безъ протеста или смерть. Но смерть страшна. Лучше алкоголь, морфій, развратъ... И молодежь идетъ на эту сдѣлку, отравляя себя сознательно».

Другой защитникъ «огарковцевъ», подписываясь ученикомъ 1-й гимназій, приводитъ въ оправданіе членовъ общества слѣдующій доводъ: «Начальство поощрило ихъ къ пьянству, устраи-

вая безчисленное множество вечеровъ». «На вечера являлись уже пьяными, — добавляетъ «Орловская Рѣчь», — а еще трезвые распивали водку въ уборной». «Въ театральное фойе шли пьяными группами и производили полный дебошъ», — замѣчаетъ «одинъ изъ родителей». «Во время гимназическихъ волненій, — сообщаетъ «Орл. Вѣстн.», — первыми считались ученики ежедневно пьяные и развращенные до послѣдней крайности». Они считали себя титанами и плохо мирились съ «полицейской школой».

Въ этомъ обществѣ нѣтъ ничего новаго или неожиданнаго. Это прямое послѣдствіе отсутствія воспитанія въ школѣ, отсутствіе возможности приложить свои силы и время къ играмъ, физическому труду, прогулкамъ, — всему тому, чѣмъ занято и увлекается юношество на западѣ. Если вы просмотрите всю декадентскую литературу послѣдняго времени, — Брюсовыхъ, Бальмонтовъ, Вяч. Ивановыхъ, и пр., — всюду чувствуется это неврастеническое настроеніе, отсутствіе движенія, отсутствіе здороваго счастливаго эллинскаго отношенія къ жизни, и особенно чувствуется усиленное и болѣзненное эротическое воображеніе. Особенно характеренъ въ отрицательномъ смыслѣ романъ Кузьмина «Крылья», описывающій какъ современнаго русскаго гимназиста развращаетъ учителя — чехъ и англичанинъ.

Ненормальное состояніе школы вызываетъ и

соотвѣтствующую литературу. Для интересующихся возрожденіемъ школы особенно важны книги и статьи, въ которыхъ указываются пути и реформы, необходимые въ настоящее время для русскихъ учебныхъ заведеній.

Особенно важны мысли покойнаго Д. И. Менделѣева. Среди другихъ, недавно появившихся изданій, этому вопросу посвящена брошюра Ем. Стратонова: «Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія» (Москва).

Авторъ видимо близко стоитъ къ средней школѣ и хорошо ее знаетъ. Всѣ его замѣчанія, въ которыхъ критикуется современное состояніе школы и разясняются ея недостатки, заслуживаютъ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, его пути къ возрожденію школы очень не полны и не охватываютъ всѣхъ сторонъ школьной жизни.

Авторъ относится весьма скептически къ родительскимъ комитетамъ и совѣщаніямъ при школѣ, «которые педагогамъ, напуганнымъ и измученнымъ, мерещатся новымъ грознымъ идоломъ». Многіе изъ родителей «не отрицая благотѣльных послѣдствій единенія семьи и школы, откровенно и громко повторяли на состоявшихся родительскихъ совѣщаніяхъ, а подавляющее большинство родителей тутъ же соглашалось, что

а) родители не чувствуютъ себя достаточно компетентными въ важной, требующей призванія и опыта учебно-воспитательной специальности, что-

бы взять на себя отвѣтственность за мѣры, такъ или иначе рѣшающія внутреннюю жизнь школы.

б) Они совершенно не въ курсѣ сложныхъ хотя бы даже матеріально-экономическихъ дѣлъ школы и не обладаютъ достаточнымъ досугомъ, чтобы отдаться полезному веденію или переустройству этихъ дѣлъ или даже хотя бы рациональному вліянію и содѣйствію.

в) Они, что особенно интересно и важно, совершенно не властны надъ своими дѣтьми (особенно же старшихъ классовъ), которыя подъ самыми просвѣщенными и гуманными виѣдомашними вліяніями давно ускользнули изъ мягкихъ родительскихъ рукъ. По ихъ мнѣнію, педагогическій совѣтъ можетъ дѣйствительно повліять на ихъ дѣтей, о чемъ они и «просятъ покорнѣйше» совѣтъ и каждаго изъ членовъ его, забывая, что совѣтъ и начальство, пригласивъ ихъ, ждали ихъ содѣйствія».

Мѣры, рекомендуемыя г. Стратоновымъ, между прочимъ слѣдующія: правительство «должно, наконецъ, оставить свою игру въ милость по отношенію къ средней школѣ и должно немедленно возстановить упраздненные переводные экзамены», а также право педагогическаго совѣта исключать изъ школы «неподходящихъ или вредныхъ учениковъ». Другіе два факта должны также начать новую лучшую жизнь русской средней школы: объединеніе различныхъ видовъ

средней школы и предоставленіе возможно широкой инициативы частной дѣятельности въ дѣлѣ средняго образованія и воспитанія, — но къ сожалѣнію, авторъ, говоря основательно о желательныхъ усовершенствованіяхъ въ школьной жизни, не даетъ высшихъ проблемъ національнаго воспитанія. Однимъ усовершенствованіемъ деталей стараго школьнаго воспитанія нельзя еще придти къ той идеальной новой русской школѣ, которую ждетъ современное и будущее поколѣніе.

Безразличіе.

Нельзя думать, что все въ Россіи идетъ къ разрушенію, и чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды», и этими путеводными звѣздами всегда останутся вѣчные идеалы добра, истины, красоты, любви къ ближнему и родинѣ.

На этихъ идеалахъ нужно воспитывать подрастающее поколѣніе,—возрожденіе Россіи, все будущее ея въ дѣтяхъ. Но у насъ нѣтъ своей національной школы, ея никогда и не было, такъ что нельзя даже возродить школу,—приходится ее создать. Задача трудная, но необходимая.

Безъ національной школы нельзя и воспитывать національныхъ чувствъ въ народѣ! Современная школа воспитываетъ безразличіе къ родинѣ, семьѣ и религіи.

«Богаты мы, едва отъ колыбели, ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ»,—критики, пессимизма, разочарованности наши юноши полны,—но идеализма, вѣры въ родину, творческихъ

стремленій создать ея величіе, этого у нашей молодежи нѣтъ и если имъ этого не прививали въ семьѣ, то въ школѣ имъ никто не внушалъ, что кромѣ критическаго, сомнѣвающагося во всемъ отношенія, должна же быть свѣтлая вѣра въ добро и стремленіе къ нему,—какъ смыслъ всей жизни.

Молодежь умѣетъ все разрушать, свергать старые кумиры, но когда ее спрашиваютъ,—а дальше что? Что вы намѣрены создать? На это реформаторы отвѣчаютъ:—теперь не время. Потомъ мы подумаемъ о программѣ дальнѣйшей дѣятельности, о пересозданіи Россіи.

Подъ дружнымъ натискомъ общества въ гимназіяхъ уничтожено преподаваніе классическихъ языковъ. Общество протестовало противъ «зубренія» грамматики,—но оно не могло бы протестовать противъ классицизма въ школѣ: гимназія должна стать классической безъ классическихъ языковъ. Не въ языкѣ было дѣло, но за изученіемъ древнихъ языковъ не хватало времени или умѣнія перейти къ содержанію классической литературы, которая является главнымъ воспитательнымъ средствомъ.

Фундаментомъ для воспитанія и развитія ребенка не можетъ стать естествознаніе, несмотря на его важность,—а всегда останутся великіе памятники всемірной литературы,—они даютъ классическій матеріалъ для развитія духа человѣка,

его творчества, расширяють горизонтъ его мысли, будятъ возвышенныя стороны души. Естественныя науки есть необходимое пополненіе какъ помогающія анализу, разложенію на составныя части.

Долгъ школы дать молодому поколѣнію законченное воспитаніе, указать ему высокія цѣли жизни, зажечь въ его душѣ тѣ вѣчные огни идеала, которые должны провести его твердымъ путемъ черезъ сумракъ жизни, дать смыслъ и силу въ жизненной борьбѣ. А какъ дополненіе къ творческимъ элементамъ воспитанія, необходимо развитіе критическаго мышленія, сомнѣнія, какъ основы знанія.

Къ сожалѣнію, современная, школа даетъ одну только вторую часть воспитанія: критику и сомнѣніе; этимъ ядомъ невѣрія отравлена вся наша школа, — а съ однимъ невѣріемъ и недовѣріемъ нельзя жить, а тѣмъ болѣе нельзя съ этимъ багажомъ выпускать юношу въ жизнь.

Какъ основное требованіе въ школѣ должно быть уваженіе дѣтей къ учителямъ; это уже лежитъ на обязанности семьи внушать дѣтямъ благоговѣйное отношеніе къ «наставникамъ, хранившимъ юность нашу». Родительскіе комитеты, которые теперь дѣйствуютъ при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны прежде всего помочь въ этомъ отношеніи; они же могутъ помочь наставникамъ въ воспитаніи нравственности.

Нравственность, любовь къ отечеству, жалость къ слабому—все это должно быть преподаваемо въ школахъ, потому что, я вѣрю, путемъ заботъ и воспитанія можно всякаго ребенка сдѣлать болѣе нравственнымъ, добрымъ и патріотичнымъ.

Какъ примѣръ можно указать на прекрасную книжку, по которой преподается нравственность въ начальныхъ школахъ Франціи. Называется она: „Education morale et instruction civique, à l'usage des écoles primaires“. Составилъ ее М. А. Mézières, депутатъ и членъ французской академіи.

Небольшая книжка, въ 172 страницы, изложена простымъ понятнымъ ребенку языкомъ и говоритъ о тѣхъ обязанностяхъ нравственности, которыя онъ слышалъ дома. Но дома объ этомъ говорилось вскользь, при соответствующемъ случаѣ, а можетъ быть и совсѣмъ не говорилось. Ребенокъ, который живетъ въ ненормальныхъ условіяхъ, при отцѣ, занятомъ службой, а вечеромъ—клубомъ, или безъ матери, часто остается и безъ тѣхъ добрыхъ указаній, которыя, конечно, будутъ сказаны въ нормальной, хорошей семьѣ.

Школа не должна, не смѣетъ игнорировать такого важнаго элемента воспитанія какъ преподаваніе нравственности,—и указанная французская книжка помогаетъ этому.

Содержаніе книжки слѣдующее:

Книга I. Ребенокъ въ семьѣ, въ школѣ и въ отечествѣ.

Гл. I. Обязанности къ родителямъ.

1) Родители. 2) Дѣдъ и бабушка. 3) Послушаніе. 4) Уваженіе. 5) Любовь и благодарность.

Гл. II. Обязанности къ братьямъ и сестрамъ.

1) Взаимная любовь. 2) Защита старшими младшихъ. 3) Добрые примѣры.

Гл. III. Обязанности къ воспитателямъ.

1) Отношеніе къ нимъ съ вѣжливостью и добротой.

Гл. IV. Ребенокъ въ школѣ. Обязанности.

1) Прилежаніе. 2) Послушаніе, работа, благопристойность. 3) Обязанности къ товарищамъ.

Гл. V. Ребенокъ въ отечествѣ и въ обществѣ.

1) Франція, ея величіе. 2) Ея бѣдствія. 3) Достигнутыя блага. 4) Обязанности къ родинѣ и обществу.

Книга II. Основы нравственности.

Гл. I. Отношеніе къ самому себѣ.

Гл. II. Тѣло: умѣренность, закаленность, гимнастика, работа и т. д.

Гл. III. Душа: свобода и отвѣтственность. Искренность. Личное достоинство. Уваженіе къ самому себѣ. Мужество въ опасностяхъ и въ несчастіи. Терпѣніе. Духъ предприимчивости и т. д.

Гл. IV. Обязанности къ домашнимъ животнымъ.

Гл. V. Обязанности къ людямъ и къ Богу.

1) Справедливость. 2) Милосердіе. 3) Не дѣлать покушенія ни на жизнь, ни на личность, ни на имущество, ни на доброе имя другого. Уваженіе къ данному слову. Деликатное отношеніе. 4) Братство, равноправіе, уваженіе къ чужому мнѣнію. Великодушіе. Благодаренія и благодарность. 5) Долги, обязанности передъ Богомъ.

Книга III. Основы гражданскаго воспитанія.

Гл. I. Гражданинъ. Обязанности. Повиновеніе законамъ. Обязанности ученика.

1) Всеобщее обязательное образованіе. 2) Военская повинность. Дисциплина. Самопожертвованіе. Вѣрность знамени. 3) Подать. 4) Голосованіе.

Гл. II. Права, которыя соответствуютъ обязанностямъ гражданина.

1) Личная свобода. 2) Всеобщее голосованіе. 3) Объясненіе республиканскаго девиза: свобода, равенство и братство.

Гл. III. Организациія политическая, административная и судебная во Франціи.

Гл. IV. Простѣйшія свѣдѣнія изъ законовъ дѣнія.

1) Гражданское поможеніе. 2) Опекa несовершенно-

шеннолѣтнихъ. 3) Собственность. 4) Наслѣдованіе. 5) Наиболѣе употребительные контракты, продажа, наемъ и т. п.

Гл. V. Введеніе въ пониманіе простѣйшихъ свѣдѣній изъ политической экономіи.

1) Человѣкъ и его нужды, общество и его преимущества. 2) Основныя понятія: капиталъ, трудъ и ассоціація. 3) Произведенія торговли. 4) Сбереженія, общества страхованія, взаимопомощи, пенсіи.

Вотъ содержаніе всей книжки, написанной легкимъ, понятнымъ дѣтямъ языкомъ. Она охватываетъ всѣ стороны жизни, которыя необходимо знать юношѣ, оканчивающему школу и вступающему въ жизнь. Книжка написана не въ видѣ нотацій и поученій, а все время приводятся маленькіе рассказы изъ жизни, которые занимательны школьнику и запоминаются и разъясняютъ ему необходимое понятіе о долгѣ, нравственности и т. п. Множество рисунковъ въ текстѣ еще болѣе оживляютъ чтеніе.

Такой же курсъ нравственности и гражданскихъ обязанностей необходимо создать примѣнительно къ русской жизни и ввести въ преподаваніе и низшихъ, и среднихъ учебныхъ заведеній.

Тогда учителя будутъ не только преподавателями знаній, но и воспитателями добраго и честнаго. Главы, посвященныя труду, капиталу, ассоціаціи, любви къ отечеству и т. д.,—даютъ

просторъ учителю разъяснить учащимся тѣ волнующіе ихъ теперь вопросы, о которыхъ въ школѣ воспрещено говорить, почему дѣти жадно знакомятся съ ними по подпольнымъ революціоннымъ изданіямъ или по дешевымъ изданіямъ крайнихъ соціалистическихъ партій и становятся невольны въ ряды враговъ родины.

Однимъ учебникомъ, въ родѣ выше указаннаго дѣлу не помочь. Нуженъ цѣлый рядъ мѣръ къ созданію и національной русской школы, и системы національнаго воспитанія помимо школы.

Доблесть

въ школѣ.

Русское общество съ особеннымъ интересомъ относится теперь къ вопросамъ воспитанія,—объ этомъ свидѣтельствуютъ провинціальныя газеты, дающія подробные отчеты о застѣданіяхъ «педагогическихъ обществъ», «родительскихъ кружковъ», «комитетовъ» и другихъ сообществъ учителей и родителей, повидимому, не только заинтересованныхъ, но и встревоженныхъ участіемъ воспитанія подрастающей Россіи. Въ Одессѣ, Ревелѣ, Вяткѣ, Ташкентѣ, Иркутскѣ,—всюду объединились на почвѣ вопросовъ педагогики люди, составляющіе рефераты, горячо спорящіе, обсуждающіе положеніе воспитанія въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Ревелѣ, напр., обсуждается послѣдняя книга нѣмецкаго педагога В. Мюнха, въ Асхабадѣ обсуждается даже реорганизація всей учебной программы, указывается на необходимость ввести преподаваніе особаго предмета,—«въ которомъ соединялась бы методика

преподаванія закона Божія и вопросы нравственнаго вліянія на дѣтей, на младшихъ, на болѣе слабыхъ и менѣе развитыхъ, а также вопросы необходимыхъ идеаловъ и задачъ человѣка и разборы и нравственная оцѣнка ученій, идущихъ въ разрѣзъ съ ученіемъ вѣры въ Бога, любви и смиренія».

Послѣдній новый предметъ довольно туманно опредѣленъ. Если же здѣсь имѣлось въ виду преподаваніе этики,—нравственныхъ обязанностей, то это было бы своевременнымъ.

«О преподаваніи этики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»,—такъ называется небольшая брошюра преподавателя К. Д. Жакова, который въ ней, между прочимъ, указываетъ, что онъ уже приступилъ къ преподаванію этики въ одномъ частномъ петербургскомъ учебномъ заведеніи.

Г. Жаковъ указываетъ, что въ классическихъ гимназіяхъ введены въ настоящее время философская пропедевтика и законовѣдѣніе, но удивляется, почему въ гимназіяхъ нѣтъ этики: «или не важно знаніе условій нравственнаго поведения человѣка, принциповъ и основаній морали, нравственныхъ идеаловъ человѣчества? Развѣ современные событія жизни не поучительны ни въ какомъ отношеніи? Развѣ они не показываютъ, что минимумъ нравственности необходимъ для всякаго движенія—прогрессивнаго и регрессивнаго?»

«Говорятъ, что нравы пали, что нравственные устои поколеблены, прежніе авторитеты потеряли свое обаяніе, новыя моральныя положенія, добытыя философскою мыслью, не усвоены. Неужели можно остановиться на этомъ утвержденіи? Какъ миновать мертвую точку? Только дѣятельностью, направленною къ моральнымъ идеаламъ человѣчества.

«Разъ мы убѣждены, что мысль влияетъ на наши чувства и волю, что нравственная мысль можетъ постоянно и незамѣтно дѣйствовать на поведеніе, необходимо создать условія, при которыхъ учащаяся молодежь усваивала бы все то, что уяснено этикой. У насъ же имѣетъ мѣсто непонятное явленіе жизни. Науки о морали нѣтъ ни въ высшихъ, ни въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего обширнаго отечества».

«Имѣются ли въ этикѣ научныя положенія общепризнанныя? Нельзя преподавать людямъ гипотезы, а только факты. На это сомнѣніе авторъ отвѣчаетъ: «Мораль Сократа, Платона и Аристотеля, я думаю, научный фактъ (эвдемонизмъ). Мораль чистаго долга (критика практическаго разума Канта) другой. Утилитаризмъ (Бентамъ, Милль), пессимизмъ (Шопенгауеръ, Гартманъ), мистицизмъ Соловьева (оправданіе добра)—суть нравственные феномены, достойные изученія.

«Учащіеся убѣдятся, что существуетъ наука

о нравственности, которая постоянно развивается и прогрессъ ея состоитъ все въ большемъ и большемъ уясненіи и воплощеніи нравственныхъ идеаловъ въ личную и социальную жизнь, хотя бы этотъ прогрессъ шелъ не по прямой, а по волнистой восходящей линіи».

«Преподавателями этики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частности въ классическихъ гимназіяхъ, должны быть лица, знакомыя съ философскими дисциплинами. Такъ какъ пока учебниковъ нѣтъ, придется въ первое время изучать предметъ по запискамъ, а потомъ изъ записокъ будутъ учебники.

«Во всякомъ предпріятіи важно начало, требующее творчества воображенія и волевого напряженія, а техника и подробности разовьются естественнымъ порядкомъ».

Нельзя не привѣтствовать начала преподаванія этики, положеннаго г. Жаковымъ, но я думаю, что авторъ впалъ въ крайность, предлагая *исторію* моральныхъ ученій, вмѣсто законченнаго круга понятій русскаго гражданина о своихъ нравственныхъ и гражданскихъ обязанностяхъ по отношенію къ семьѣ, обществу, родинѣ и всему человѣчеству. Въ словахъ г. Жакова слишкомъ звучитъ отвлеченная нравственность, оторванная отъ родной русской почвы. Исторія нравственныхъ ученій умѣстна въ университетѣ, гдѣ преподается чистая наука. Въ среднихъ же и

низшихъ учебныхъ заведеніяхъ нужна практическая нравственность, основанная на русскихъ и славянскихъ народныхъ требованіяхъ и основой для созданія учебника ея для школъ могло бы болѣе всего послужить ученіе нашихъ славянофиловъ,—Аксаковыхъ, Хомякова, Н. Я. Данилевскаго и др., стоящихъ за національное развитіе и воспитаніе юношества, за національную школу.

Во французскихъ учебникахъ: «Education morale et instruction civique», (напр. А. Mézières, Dumesnil, Allou и др.), или въ англійскихъ: «The laws of every-day life» и т. п.—національное чувство звучитъ повсюду, примѣры, взятые изъ родной исторіи, подвиги въ защиту родины,—все это имѣетъ цѣлью вызывать любовь къ родному краю. Этика внѣ національности невысказана,—преподаваніе нравственныхъ началъ должно будить патріотизмъ въ лучшемъ смыслѣ слова.

Прокитъ анархической школы.

Всѣ партіи сознають значеніе народной школы какъ орудія для вліянія на народъ. Въ настоящее время народная школа въ значительной мѣрѣ находится въ рукахъ крайнихъ лѣвыхъ партій, къ которымъ принадлежитъ извѣстное количество народныхъ учителей, и помимо школьнаго вліянія на дѣтей эти педагоги энергично занимаются пропагандированіемъ крайнихъ учений въ народѣ, подготавливая «сознательныхъ товарищей», а перелъ выборами усердно агитировали въ пользу своихъ лѣвыхъ кандидатовъ, что имъ и удавалось; теперь они торжествуютъ и уже открыто сообщаютъ о своей побѣдѣ. Такъ, на губернскомъ съѣздѣ всероссійскаго учительскаго союза въ Москвѣ, 18—19 февраля 1907 г. делегаты сообщали слѣдующее («Учит.», № 3, стр. 31): «За послѣдніе мѣсяцы особенно выдвигается дѣятельность учителей въ связи съ выборами. Учителя агитировали среди крестьянъ, вліяя на выборы десятниковъ и уполномо-

ченныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удалось провести своихъ кандидатовъ. Тамъ, гдѣ учителя работали въ этомъ направленіи, выборы прошли замѣтно лучше. Вообще делегаты отмѣчали плодотворность своей работы въ крестьянской средѣ,—крестьянство стало гораздо сознательнѣе. Въ нѣкоторыхъ учительскихъ группахъ, какъ равноправные члены, принимаютъ участіе и сознательные крестьяне». Делегаты считаютъ весьма почтенной свою «работу» или «обрабатыванье» крестьянъ въ «сознательныхъ», но бѣда тому учителю, который вздумалъ бы проводить среди крестьянъ умѣренные или консервативные взгляды,—онъ немедленно будетъ бойкотированъ, изруганъ, ошельмованъ своими лѣвыми товарищами, признающими только свои собственные мнѣнія непогрѣшимыми и проявляющими дикую нетерпимость ко всѣмъ, думающимъ иначе. Такъ, напримѣръ, кишиневскіе народные учителя, которые выразили протестъ въ общемъ собраніи бессарабскаго учительскаго общества противъ самоуправныхъ дѣйствій правленія, состоявшаго изъ «сознательныхъ», въ томъ же журналѣ «Учитель» изруганы: «рабами презрѣнными», «реакціонерами», «ветхозавѣтными педагогами», «стоящими по недоразумѣнію въ рядахъ народныхъ учителей», «темными силами» и подобными злобными выраженіями «освободительнаго» словаря.

Эти выражения — еще довольно умѣрены, по сравненію съ тѣмъ, что вообще умѣютъ придумывать лѣвые «товарищи» по адресу лицъ, несогласныхъ съ ними. Въ наше время партійной нетерпимости только одно несповѣданіе «освободительнаго» ученія уже является большимъ гражданскимъ мужествомъ, такъ какъ всякій слабохарактерный учитель скажетъ:

— Записывайте меня въ какіе угодно эсъ-эры, или эсъ-деки, только не шельмуйте, не ругайте и оставьте въ покоѣ.

Для тѣхъ, кто интересуется реформой современной школы, важно выяснить, — чего хотятъ отъ школы крайніе партійные педагоги? Если они требуютъ «обновленія», уничтоженія «обветшавшаго строя», то нѣтъ ли въ ихъ требованіяхъ и программахъ дѣйствительно новыхъ словъ, новыхъ творческихъ идей, которыя возродятъ школу на благо родины. Молодой журналъ «Учитель» *) дастъ отвѣтъ на это.

Разсмотримъ сперва, чего его руководители хотятъ отъ «старой» школы, а затѣмъ изложимъ, что они предлагаютъ сами, какъ фундаментъ новой школы...

Школа должна проникнуться «новыми идеями» и воспитывать «не защитниковъ существующаго режима, а борцовъ за новый порядокъ». Авторы

*) Журналъ теперь закрылся.

сознаются, что «такой школы нѣтъ сейчасъ и не только у насъ, но и у значительной части западно-европейскихъ народовъ, ушедшихъ далеко отъ насъ по пути прогресса», однако, это ихъ не смущаетъ и они ждутъ отъ «освободительнаго движенія» полного переустройства всей организаціи дѣла народнаго образованія. «Освобожденіе же школы возможно при непремѣнномъ условіи смѣны настоящаго режима на свободно-демократическій. Этому строю предстоитъ и рѣшить задачу о реформѣ школы».

Если понимать подъ «свободно-демократическимъ режимомъ» полное осуществленіе утопій крайнихъ лѣвыхъ партій, то очевидно рѣшеніе школьнаго вопроса откладывается на очень долгое и неопредѣленное время. Но я вѣрю, что современные школьные дѣятели сумѣютъ обновить школу и безъ зависимости отъ «режима», ссылая на который есть только отговорка для лицъ, не знающихъ, что предпринять.

Но требованія, излагаемая въ «Учителѣ», нуждаются въ смѣнѣ режима и легко могутъ быть осуществлены и сейчасъ,—если только не «выйдетъ изъ него не дѣло, только мука».

Прежде всего «школа должна быть освобождена отъ спеціальнаго тройнаго учебно-административно-церковнаго контроля, который сковываетъ ея жизнь».

Затѣмъ школа не должна давать никакихъ

льготъ оканчивающимъ ее, особенно «нелѣпыхъ экзаменовъ на льготу». Въмѣстѣ съ этимъ подлежатъ полному уничтоженію «министерскія программы, ограничительные каталоги и всѣ циркуляры».

Школу открывать можетъ всякій, кто желаетъ, явочнымъ порядкомъ и преподавать въ ней все, что хочетъ. Отъ учителя никакихъ знаній, аттестатовъ, экзаменовъ не требуется,—онъ можетъ преподавать какъ ему вздумается и устранивать съ дѣтми какіе угодно педагогическіе эксперименты, не подвергаясь за это никакой ответственности.

Всякая плата за ученіе, подъ какимъ-бы видомъ она ни существовала, должна быть уничтожена. Расходъ по содержанію школъ долженъ быть возложенъ на уѣздныя и губернскія средства. Никакихъ экзаменовъ не должно быть.

Законъ Божій долженъ быть исключенъ въ качествѣ обязательнаго предмета изъ школьной программы. Молитвы и заповѣди должны быть въ школу не допускаемы (№ 2, стр. 6). «Непосильнымъ, недоступнымъ, а потому и вреднымъ матеріаломъ является изученіе богослуженія съ практическими занятіями въ церкви: подаваніемъ кадила, зажиганіемъ и тушеніемъ свѣчей и т. п.».

Законъ Божій, какъ система нравственнаго христіанскаго ученія—«ученіе растяжимое и ему не должно быть мѣста въ школахъ». Даже «Мо-

раль», преподаваемая, напр., во французскихъ школахъ, есть педагогическое уродство. «Цѣль новой школы, новаго воспитанія должна заключаться въ освобожденіи ребенка отъ всякаго какъ физическаго, такъ и духовнаго принужденія. Стѣсненіе свободы не воспитываетъ, а убиваетъ стремленіе къ ней».

«Поэтому должны быть уничтожены всякія мѣры принужденія, «всякія наказанія, награды, права и привиллегіи, выговоры, замѣчанія, упреки, задаваніе уроковъ на домъ, экзамены и репетиціи». «Необходимо освободить учащихся отъ отлѣтокъ, задаванія обязательныхъ уроковъ, обязанности непременно посѣщать школу, отъ обязанности непременно отвѣчать учителю. Нечего уже говорить о томъ, что репетиціи, экзамены, аттестаты совершенно несовмѣстимы со свободою обученія».

«И когда изъ школы, до глубины проникнутой идеаломъ свободы ученика, выйдутъ взрослые граждане, они добудутъ себѣ свободу».

Свободу ничегонедѣланія.

Отъ школы остается одинъ нуль, одно пустое пространство. Ученикамъ нельзя предъявлять ровно никакихъ требованій, даже обязанности отвѣчать учителю и даже посѣщать школу.

Можно было бы предположить, что такой проектъ новой свободной школы созданъ гимназистами, отлынивающими отъ занятій и поста-

вышшими за правило: «не хочу учиться, хочу ходить на митинги».

Нѣтъ, авторами этихъ «новыхъ» геніальныхъ педагогическихъ идей являются нѣкоторые преподаватели петербургской земской учительской семинаріи и исаакіевского городского училища, издающіе этотъ ново-педагогическій журналъ. Однако, сомнѣваюсь, чтобы эти совѣты, которые они даютъ другимъ, желающимъ дѣлать опыты съ дѣтьми, они примѣняли на своихъ урокахъ— иначе у нихъ на урокахъ не осталось бы ни одного ученика.

Всѣ вышеизложенныя требованія исключительно отрицательныя:—указывается только то, чего не должно быть въ школѣ. А что же нужно школѣ? Каковы положительныя требованія?

На это авторы отвѣта сами дать не могутъ,— «только послѣ принятія этихъ необходимыхъ мѣръ начнется настоящая созидательная работа по выработкѣ типа свободной общественной школы, идеалъ которой уже намѣченъ». Авторы приглашаютъ вѣрить имъ, что «созидательная работа начнется»,—а если не начнется? Если людей съ творческой мыслью не окажется? Тогда что? Школа будетъ разрушена, мораль, нравственность, система и пр. будутъ изгнаны, а «свободные» ученики будутъ ждать, пока гг. педагоги придумаютъ новый типъ школы, и «свободные»

будутъ играть въ ланту, грабить почтовые конторы и охотиться на «черносотенныхъ», «ветхозавѣтныхъ» учителей?

Не способные сами придумать ничего путнаго взамѣнъ старой школы, г.г. школьные новаторы печатають «школьную программу союза начальной латышской школы», которая была одобрена въ ноябрѣ 1905 г. на съѣздѣ свыше 1,000 учителей Прибалтійскаго края, во время разгара революціоннаго террора.

Съѣздъ учителей въ Финляндіи.

По сообщенію газетъ, освѣдомленныхъ въ дѣятельности крайнихъ лѣвыхъ партій, *) въ Финляндіи состоялся 4-й съѣздъ нелегализованнаго «всероссійскаго (?) союза учителей и дѣятелей (?) по народному образованію». Всего присутствовало на съѣздѣ «до 150 человѣкъ, представлявшихъ около 90 мѣстныхъ организацій». Съѣздъ пришелъ къ слѣдующимъ рѣшеніямъ:

1) Общество легализировать не слѣдуетъ, такъ какъ это «несвоевременно (?) и фактически неосуществимо».

2) Основныя задачи союза—«профессіонально-политическія» (?), но «необходимо удѣлять больше вниманія задачамъ чисто профессіональнаго характера», такъ какъ до сихъ поръ «политическіе вопросы заслоняли собою всѣ остальные».

3) Правовое положеніе учащихся должно оза-

*) Въ 1907 г., въ началѣ лѣта.

бочивать союзъ не менѣе, чѣмъ развитіе народнаго просвѣщенія.

4) Рѣшено «озаботиться сближеніемъ (?) съ другими профессиональными союзами».

5) Необходимо участіе членовъ союза въ «лигѣ образованія» и другихъ образовательныхъ обществахъ и въ школьныхъ попечительствахъ, организуемыхъ по закону 29 марта 1907 г. «Инициативу открытія послѣднихъ члены союза должны брать на себя»: этимъ проникновеніемъ во всѣ педагогическія общества союзъ надѣется захватить въ свои руки вліяніе на все воспитаніе юношества въ Имперіи.

6) Для поднятія образовательнаго уровня учительскаго персонала признано необходимымъ устройство во время лѣтнихъ каникулъ общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсовъ.

7) Изъ политическихъ вопросовъ съѣздъ обсуждалъ, главнымъ образомъ, свое отношеніе къ предстоящимъ выборамъ въ 3-ю Г. Думу. Постановлено «рекомендовать членамъ союза отъ выборовъ воздержаться».

8) По вопросу о возстановленіи переходныхъ экзаменовъ съѣздъ «высказался отрицательно».

Большинство докладовъ профессиональнаго характера остались не разсмотрѣнными,—именно потому, что учителя-союзники больше занимались политиканствомъ, чѣмъ дѣломъ.

Этотъ «учительскій союзъ» имѣетъ свою, въ

общихъ чертахъ выработанную, программу дѣятельности, до нѣкоторой степени знаетъ къ чему стремится и какихъ результатовъ добивается отъ современнаго воспитанія.

Задачи союза точно еще не формулированы. Въ одномъ педагогическомъ журналѣ, кажется безвременно погибшемъ естественной смертью отъ худосочія, напечатаны нѣсколько редакцій формулировки «задачъ союза». Самая подробная редакція слѣдующая: «Основной задачей своей союзъ считаетъ *борьбу* за коренную реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія Россіи на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его, понимая подъ этимъ осуществленіе слѣдующихъ началъ: 1) *Явочнаго* порядка открытія учебныхъ заведеній и образовательныхъ учреждений всѣхъ типовъ. 2) Введенія всеобщаго, бесплатнаго и обязательнаго начальнаго обученія (*особое мнѣніе* мрачнаго большевика: упоминаніе объ *обязательности* обученія должно быть исключено). 3) *Бесплатнаго* снабженія учащихся начальныхъ школъ учебниками, учебными пособіями, одеждой и пищей. 4) Обязательности для органовъ мѣстнаго самоуправленія удовлетворенія потребностей взрослому населенія въ воскресныхъ и вечернихъ элементарныхъ школахъ и въ общественныхъ библіотекахъ. 5) Согласованія всѣхъ типовъ школъ такъ, чтобы общеобразовательная школа высшаго типа составляла непосредственное продолженіе

школъ низшаго типа. 6) Введенія безплатности обученія на всѣхъ его ступеняхъ. 7) Организациі профессиональнаго и спеціального образованія, какъ продолженія курса общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. 8) Преподаванія на *родномъ языкѣ* населенія во всѣхъ типахъ школъ (имѣются въ виду всѣ населяющіе Россію языки). 9) Признанія преподаванія религіи *частнымъ дѣломъ*; исключенія этого преподаванія изъ курса общественныхъ школъ (редакція вторая:... какъ обязательнаго предмета). 10) Установленія свободы преподаванія при выполненіи программъ данной школьной ступени; отміны спеціальной цензуры учебниковъ, пособій и книгъ для чтенія учащихся. 11) Уничтоженія всѣхъ ограниченій и привилегій въ области образованія, связанныхъ съ поломъ, *національністю*, *вѣроисповѣданіемъ* и сословностію. 12) Предоставленія завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія органамъ мѣстнаго самоуправленія, образованнымъ на началахъ всеобщаго, безъ различія пола и національности, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и общественнымъ организаціямъ національнаго характера (особое мнѣніе мрачнаго большевика: упоминаніе объ организаціяхъ *національнаго* характера должно быть исключено). 13) Установленія свободы частной инициативы въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія. 14) Улучшенія правового и матеріальнаго положенія учителя; введенія

обязательнаго государственнаго страхованія учащихся.

Какъ видно изъ этого подробнаго изложенія задачъ союза,—здѣсь много общихъ мѣстъ и пустыхъ словъ. Любопытно, что религія союзомъ изъ школы изгоняется. Національность и вѣроисповѣданіе признаются только для того, чтобы ввести въ школу какъ можно больше инородческихъ языковъ и нарѣчій и чтобы учителемъ могъ быть всякій, кто бы онъ ни былъ, т. е. еврей, мусульманинъ долженъ имѣть всѣ права, чтобы учить и воспитывать русскихъ православныхъ дѣтей, а такъ какъ свобода преподаванія полная, то и учить они могутъ чему угодно.

Во главѣ союза стоитъ центральное бюро, которое ведетъ «текущія дѣла союза» и имѣетъ «сношенія съ другими учительскими союзами и организаціями въ Россіи и за границей». Члены союза могутъ быть исключены «за неисполненіе *обязательныхъ* постановленій союза», при чемъ объ этомъ «сообщается центральному бюро союза»,—для соотвѣтствующихъ репрессій, преслѣдованія, бойкотированія и т. д., чему примѣры извѣстны, напримѣръ, въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ бойкотировались вакантныя должности учителей подъ угрозой убійства, и съ печальными результатами.

Латышская программа.

75

Дѣятели учительскаго союза пропагандируютъ «свободную школу», вполне независимую отъ какого бы то ни было принужденія или стѣсненія. Журналъ «Учитель» является однимъ изъ главныхъ органовъ идей союза. Въ «Учителѣ» сотрудничаютъ учителя, большей частью низшихъ учебныхъ заведеній, и ихъ взгляды на идеаль школы являются весьма опредѣленными.

Въ школѣ не должно быть ничего, что принуждаетъ ученика: «необходимо освободить учащихся отъ отлѣтокъ, задаванія обязательныхъ уроковъ, обязанности непременно посѣщать школу (*а какъ же наверстать пропущенные уроки?*), отъ обязанности непременно отвѣчать учителю (*а вмѣсто отвѣта можно показывать учителю фигуру изъ трехъ пальцевъ?*)». «Нечего уже говорить о томъ, что репетиции, экзамены, аттестаты совершенно несовмѣстимы со свободою обученія». (Мы же учили въ дѣтствѣ,—*repetitio est mater studiorum*,—ибо только въ повтореніяхъ залогъ успѣха).

Латышскій учительскій союзъ, также не легализованный и имѣющій цѣлью какую то борьбу противъ кого то, издалъ брошюру, въ которой излагаетъ принципы школьнаго переустройства въ духѣ «свободной школы». Эта школа выступаетъ подъ знаменемъ партіи главнымъ образомъ социаль-демократической. Органъ русскаго учительскаго союза особенно горячо рекомендуетъ эту брошюру.

Программа заключаетъ въ себѣ обыкновенные и понятные параграфы начальной школы, которую латышскій союзъ хочетъ поставить на возможно практическую почву. Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣловые латыши придають должное значеніе изученію русскаго языка, рекомендуютъ начать изученіе по возможности съ перваго-же года, и требуютъ, чтобы дѣтей *научили составлять на русскомъ языкѣ дѣловыя бумаги*, необходимыя въ торговой и общественной жизни. «Въ первые четыре года, говоритъ брошюра, необходимо научить бѣгло читать, правильно писать и болѣе или менѣе хорошо говорить на русскомъ языкѣ». «Начиная съ четвертаго, а самое позднее — пятаго года, преподается *исторія русской словесности*, при чемъ читаются произведенія писателей и, конечно, не древнихъ, а новѣйшихъ». Изученіе же нѣмецкаго языка латыши рекомендуютъ только тогда, когда ученики уже успѣють освоиться съ русскимъ.

Что касается исторіи, то латышскіе социаль-демократы ограничиваются преподаваніемъ въ первый годъ «исторіи матеріальной культуры»,—какъ измѣнялась внѣшняя жизнь народовъ, каковъ путь отъ каменныхъ орудій дикарей до нашихъ металлическихъ инструментовъ и машинъ, до громаднѣйшихъ построекъ и т. д. Второй годъ—«исторія хозяйственно-экономическихъ отношеній»,—какъ развивалась промышленность съ самыхъ древнихъ временъ и въ какихъ хозяйственно-экономическихъ отношеніяхъ находились народы въ разныя эпохи, дѣлясь на классы. Затѣмъ предлагается «изученіе исторіи общественной жизни»,—«какъ люди относились къ различнымъ измѣненіямъ въ ихъ жизни, какъ они боролись за удовлетвореніе своихъ нуждъ, какая происходила *классовая борьба*, какія перемѣны въ общественномъ строѣ, особенно же о *революціяхъ новѣйшаго времени*».

Этотъ параграфъ, касающійся преподаванія исторіи, ясно показываетъ, чего хотятъ социаль-демократическіе и с.-революціонные учителя:— вмѣсто чистаго знанія и историческаго чтенія, которыя, съ одной стороны, знакомили бы съ прошлымъ, а съ другой, дѣйствовали бы развивающимъ и воспитывающимъ образомъ на дѣтей, они хотятъ замѣнить все это чисто партійной, брошюрной, «мухоморной» исторіей, чтобы разжигать страсти, и озлобленность дѣтей про-

тивъ другихъ классовъ родины. Для чего обращаться «особенное вниманіе» на борьбу классовъ и революціи, какъ не для того, чтобы натравливать дѣтей въ блузахъ на дѣтей въ воротничкахъ? Не показываетъ ли это возмутительную тупость партійныхъ вожаковъ, которые жертвуютъ добрымъ сердцемъ своихъ дѣтей для партійныхъ цѣлей? Было когда-то время, что были «благородные» и «черный народъ». Постепенно реформами, узаконеніями всѣ уравниены, всѣ равны, всѣ одинаковы, всѣ граждане одного государства.

Ни одинъ интеллигентный, образованный человѣкъ не скажетъ уже и не думаетъ больше, что онъ сдѣланъ изъ другой глины, чѣмъ сынъ пахаря или рабочаго.

Но теперь за старую отжившую рутину берутся социаль-демократическіе вожаки и педагоги и хотятъ проповѣдывать дѣтямъ въ народной школѣ, что есть люди разныхъ классовъ. Въмѣсто любви другъ къ другу проповѣдывать ненависть класса къ классу? Это воспитаніе? Воспитывать дѣтей въ ненависти, чтобы изъ ненависти вспыхнули и активныя дѣйствія, вспоенныя злобой?

Это не педагогія. Такую педагогическую систему примѣняютъ только на псарнѣ у записныхъ борзятниковъ, гдѣ кормятъ охотничьихъ собакъ сырымъ мясомъ, чтобы онѣ имѣли больше злобности въ охотѣ на волка.

Вполнѣ отсюда понятно, что латыши изго-

няютъ изъ школы религію и преподаваніе Закона Божія,—который проповѣдуетъ любовь другъ къ другу, а не социаль-демократическую ненависть.

Французы, изгнавъ изъ школы религію, сейчасъ же взамѣнъ нея ввели преподаваніе нравственности, — какъ они называютъ, — морали.

Эта «мораль» заключаетъ въ себѣ кругъ обязанностей, которыя долженъ имѣть каждый подростающій гражданинъ—къ отцу, матери, братьямъ, сестрамъ, воспитателямъ, родинѣ, высшимъ властямъ, законамъ отечества и т. д. Такое же ученіе о личной доблести и нравственности существовало и въ древней Греціи, Римѣ и въ современной Японіи,—подъ именемъ «бушидо».

Но латышскій союзъ отвергаетъ даже преподаваніе нравственности: «нравственность, т. е. всѣ тѣ устои, которые необходимы для того, чтобы данное общество могло существовать и развиваться, *не можетъ быть преподаваема* (а я думаю, что нравственность *должна* быть преподаваема); она растетъ вмѣстѣ съ характеромъ чловѣка, характеръ же опредѣляется врожденными способностями, всѣмъ пережитымъ данной личностью, особенно же живыми примѣрами, которые направляютъ желанія чловѣка и даютъ имъ опредѣленный характеръ».

Педагоги, вы сами отказываетесь отъ своего призванія,—самое слово педагогъ значить «веду-

щій ребенка». Если вы думаете, что нравственность есть случайное стеченіе наслѣдственности, жизненныхъ встрѣчъ и пережитаго, то педагогамъ дѣлать нечего,—нужно каждому покорно склонить голову подъ неумолимымъ рокомъ, не ожидая отъ личнаго самоусовершенствованія никакого результата. Но великіе педагоги думали иначе и утверждали, что душа ребенка мягкій воскъ, и учитель можетъ и долженъ ее воспитывать.

*Изъ учительскаго
подполья.*

Въ 1907 г. 24 и 25 апрѣля, въ Петербургѣ состоялся съѣздъ учителей крайнихъ лѣвыхъ партій. Теперь въ книжномъ магазинѣ можно достать изданные отдѣльной книжкой, посвященные этому съѣзду «Протоколы учредительнаго съѣзда федераціи національныхъ и территориальныхъ союзовъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію».

Кто участвовалъ въ съѣздѣ—неизвѣстно, такъ какъ имена участниковъ скрыты подъ инициалами, но указаны народности, къ которымъ принадлежали делегаты и приведены ихъ рѣчи, что наиболѣе существенно. Съ правомъ рѣшающаго голоса участвовали представители союзовъ «армянскаго, бурятскаго, всероссійскаго, грузинскаго, еврейскаго, калмыцкаго и крымскихъ татаръ». Представители башкирскаго, якутскаго и *бѣлорусскаго* союзовъ имѣли право только «совѣ-

щательнаго» голоса. Бѣдные бѣлоруссы, ихъ не уравниали въ правахъ съ инородцами.

Первое засѣданіе было посвящено чтенію докладовъ о жизни «федеративныхъ» союзовъ; второе вечернее засѣданіе обсуждало проектъ устава «федераціи союзовъ учителей». По объясненію предсѣдателя, В. Ч., цѣлью устава должно быть: «тѣсное свободное общеніе и единеніе отдѣльныхъ союзовъ, не вводя при этомъ, однако, въ организацію никакихъ принудительныхъ началъ».

Начались дебаты. Представитель латышскаго союза указываетъ, что «русская революція, очень возможно, затянется, борьба обострится до крайней степени, союзы учителей неминуемо станутъ партійными, поэтому федерація должна быть широкой и *антицентралистской*, чтобы отдѣльные союзы, совсѣмъ отличные другъ отъ друга, могли въ нее войти».

Представитель еврейскаго союза, напротивъ, требуетъ централизаціи: «Въ періодъ борьбы федерація не поможетъ дѣлу; безъ исполнительнаго органа, безъ *обязательныхъ* директивъ немислимо идти въ бой съ нашимъ общимъ врагомъ. Когда союзы сложатся, когда начнется бой, уставъ федераціи окажется ненужнымъ: въ это время федерація должна быть боевой, крѣпкой и сильной, подчиняющей всѣ отдѣльные союзы общему началу».

Очень характерно, что еврей всюду, какъ и въ данномъ случаѣ, хочетъ командовать, распоряжаться и стоять у центра власти. На этотъ союзъ еврей смотритъ, какъ на способъ въ цѣляхъ революціонной пропаганды сплотить учителей,—а воспитаніе русскаго юношества для него только способъ распространить заразу социалистическихъ ученій.

Дальнѣйшіе дебаты идутъ о томъ, какъ должны объединяться союзы: по національному признаку, или союзы должны быть территоріальные? Грузинъ указываетъ, что необходимо національное объединеніе, такъ какъ территоріально организоваться очень трудно, на примѣръ, на Кавказѣ, гдѣ грузины и татары объединиться не могутъ.

Бурятъ высказываетъ опасеніе, что, такъ какъ великорусскій уч. союзъ на съѣздахъ всегда будетъ въ большинствѣ, то такъ или иначе станетъ давить союзы другихъ національностей. Но председатель его успокаиваетъ, говоря, что великорусскій союзъ будетъ имѣть на съѣздахъ федераціи только такой-же голосъ, какъ и всѣ остальные окраинные союзы. Иностранцы и здѣсь хотѣли умалить голосъ русскаго народа и поставить его наряду съ якутомъ или бурятомъ, давая только *одинъ* голосъ въ ихъ хорѣ.

Затѣмъ, собраніе перешло къ постановленію чтенію. § 1. «Федерація имѣетъ своею цѣлью объединить на пространствѣ всей Россіи силы

учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію для *достиженія общихъ имъ задачъ*.

Что такое эти «общія задачи», можно судить по отзыву латыша. Въ уставѣ латышскаго учительскаго союза цѣль его указана: «широкая пропаганда социаль-демократическихъ идей»; членомъ союза почитается «учащій, признающій программу рос. соц.-дем. рабочей партіи», а районный совѣтъ «подчиняется директивамъ руководящаго коллектива общепролетарской организаціи» (ст. 75). Представитель крымскаго союза татарскихъ учителей доложилъ, что ихъ союзъ принялъ «программу социалистовъ-революціонеровъ, какъ наиболѣе отвѣчающую (?) воззрѣніямъ крымскихъ татаръ» (ст. 72). Такимъ образомъ «общія задачи» союза учителей совсѣмъ не выработка наилучшей программы какъ обучать молодежь, а распространеніе революціонныхъ ученій подъ флагомъ школьнаго образованія.

§ 2. «Основной задачей своей федерація признаетъ борьбу за коренную реорганизацію дѣла народнаго образованія въ Россіи на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его и за полную равноправность всѣхъ національностей, живущихъ на *территоріи федераціи*».

Представитель всероссійскаго учительскаго союза предлагаетъ сдѣлать измѣненіе въ послѣднихъ словахъ и, вмѣсто «на территоріи федераціи», сказать: «на территоріи Россіи». Его предложеніе

принимается единогласно. Любопытно сравнить это предложеніе съ нелѣпымъ заявленіемъ профессора Н. И. Карѣва въ первой Гос. Думѣ, что необходимо замѣнить слово Россія, русскій, другимъ словомъ, такъ какъ въ Россійской Имперіи живутъ и другія народности кромѣ русскихъ. Подпольный съѣздъ лѣвыхъ учителей оказался въ этомъ одномъ случаѣ болѣе осмысленнымъ, чѣмъ профессоръ петербургскаго университета.

Далѣе разсматривались болѣе детальныя опредѣленія задачъ федераціи союзовъ, которыхъ насчитывается 14; но всѣ эти 14 пунктовъ можно изложить въ двухъ: полная свобода преподаванія, кто и какъ хочетъ, безъ всякаго контроля со стороны государства, которое только должно страховать учителей.

Думаю, что для изреченія такой истины не стоило съѣзжаться со всѣхъ концовъ Россіи и устраивать тайныя собранія.

Итакъ, никакого «новаго слова» на этомъ съѣздѣ сказано не было; высказывались пожеланія, еще больше критики, но не только никто не внесъ обдуманнаго плана вполнѣ современной школы, которая дала бы толчокъ культурному развитію русскаго юношества, но и вообще чисто педагогическихъ вопросовъ на съѣздѣ не подымалось.

Говорилось много объ изгнаніи изъ школъ

религій. Еврей соглашался пускать въ школу священника и предоставить ему для занятій помѣщеніе и учебныя пособія. «Ни въ какомъ случаѣ», кричалъ грузинъ. Бурятъ допускалъ «преподаваніе въ школахъ религій, какъ учебный научный предметъ; въ программу этого курса должно войти сообщеніе историческихъ свѣдѣній по сложенію буддизма, ислама, шаманства, христіанства и другихъ религій». Даже отъ бурятъ странно слышать приравниваніе дикаго, грубаго шаманства къ христіанству, которое даже враги признають однимъ изъ самыхъ сильныхъ культурныхъ двигателей міровой исторіи.

Представитель всероссійскаго учительскаго союза указалъ, что изгнаніе религій изъ школы небезопасно: «1½ года тому назадъ бока нѣкоторыхъ нашихъ учителей-союзниковъ пострадали отъ крестьянскихъ кулаковъ за требованіе изгнанія изъ курса школы закона Божія».

Знаменателенъ одинъ фактъ: и латышъ, и бурятъ, и еврей категорически заявляли, что и при національномъ преподаваніи въ школѣ необходимо со второго года изученіе русскаго языка. Нѣсколько лѣтъ назадъ инородцы доказывали, что русскій языкъ грубый и некультурный. Теперь и «при свободѣ», какъ они говорятъ, явилось сознаніе, что безъ русскаго языка въ Россіи не прожить, и его нужно изучать во всѣхъ концахъ имперіи.

Но, конечно, это изученіе русскаго языка имъ необходимо, чтобы, зная его, пользоваться всѣми благами и преимуществами русскаго подданства. Всѣ инородцы единогласно говорили объ автономіи. Якутъ требовалъ: «Якутская область для якутовъ» (стр. 86),—не говоря ничего о другихъ инородцахъ—тунгусахъ, чукчахъ и пр., которые тогда попадутъ еще болѣе и окончательно въ эксплуатацію якутовъ. Калмыкъ высказалъ требованіе: «Добиваться полнаго самоопредѣленія калмыцкаго народа и автономіи» (стр. 68).

Буряты доложили, что ихъ союзъ (Бурядзаной туг) имѣетъ задачей способствовать національному возрожденію буряты и «добиваться національнаго самоопредѣленія и автономіи».

Еврей заявилъ: «еврейскій пролетаріатъ занимаетъ почетное (?) мѣсто въ борьбѣ за раскрѣпощеніе (!) Россіи» и «еврейскій народъ (?) долженъ самостоятельно вѣдать свои культурныя дѣла».

Обыкновенно въ печати евреи указывали, что ихъ роль въ революціонномъ движеніи вовсе не такъ велика, какъ имъ приписываютъ. Здѣсь же, въ подпольномъ сѣздѣ, еврей открыто призналъ, что въ революціи евреи занимаютъ даже почетное мѣсто и, кромѣ того, евреи—особый народъ, требующій самостоятельнаго самоуправленія.

Пробивайся впередъ.

Надъ обнаженной равниной засыпанныхъ снѣгомъ полей бушевала метель. Нѣсколько старыхъ потемнѣвшихъ избъ притаились на откосѣ оврага; порывы вѣтра съ снѣжными тучами проносились надъ избами и завывали въ трубахъ и плохо законопаченныхъ щеляхъ.

Во всѣхъ избахъ, сквозь окна съ побитыми и склеенными стеклами, свѣтились тусклые огоньки и изрѣдка мелькали тѣни. Отъ одной избы до другой было трудно пройти, ураганъ старался свалить съ ногъ, рвалъ одежду и заносилъ снѣгомъ.

Въ одной избѣ за столомъ сидѣла дѣвочка, въ порванномъ полушубкѣ и валенкахъ. Худыми тонкими руками она держала около жестяной лампы измятую бумажку и водила пальцемъ по строкамъ.

Недалеко отъ нея сидѣлъ мужикъ съ лохматой, сѣдой головой, съ длинной бородой и, уставивъ глаза въ полъ, внимательно слушалъ, что говорить дѣвочка.

— „И еще вамъ пишу, дорогой тятенька, что

работать надо цѣлый день, а утромъ дрова таскать и печи топить. А жалованья никакого мнѣ не положено, потому что хозяинъ говоритъ, что я въ ученіи. А ученія никакого нѣтъ,—только безпокойство. Вставать надо рано, и мыть полъ въ лавкѣ. Чай пить некогда. Приказчики посылаютъ въ лавочку за папиросами и за водкой, а когда они кончатъ чай пить, тогда и самоваръ пустой и въ чайникѣ чая нѣтъ. А сахара мнѣ не положено. А еще у насъ приказчикъ Никифоръ больно дерется, и все норовитъ по мордѣ. Очень прошу васъ, тятенька, позвольте мнѣ пріѣхать въ деревню. Обѣщаю васъ слушаться и почитать, какъ отца родного. А ежели хотите, чтобы я былъ въ ученіи, такъ меня учатъ здѣсь водку пить и сквернословить, а жаловаться хозяину не могу, потому хозяинъ только поругаетъ приказчиковъ, а меня они больно зашибутъ почти до смерти.

«А еще мнѣ нужно носить по господамъ товаръ и бѣгать по лѣстницамъ, высоко какъ на колокольню. И я вижу, что въ Интерѣ живутъ очень тѣсно. А всѣ господскіе ребята учатся, а меня никто не учитъ, и боюсь, что изъ меня толку не выйдетъ. А приказчикъ Никифоръ Ивановичъ скоро мнѣ голову проломитъ, онъ меня называетъ еще черносотенцемъ, и все потому, что я маленький. Земно въ ноги я вамъ кланяюсь, тятенька, позвольте пріѣхать въ деревню, я буду въ во-

лостное ходить писарю помогать и законы читать. Можетъ быть, ума наберусь».

Жестяная лампа коптитъ, дѣвочка жмурится и читаетъ дальше поклоны всѣмъ роднымъ на селѣ. Мужикъ откашливается, и говоритъ дѣвочкѣ:

— А ты, Анютка, напиши, что: любезный сынъ Иванъ, что терпи, что всѣ мы терпимъ, что на деревнѣ кормить нечѣмъ, что каждый лишній ротъ дорогъ, а бесплатная столовая была, да закрылась, напиши, что надо своимъ умомъ жить и напиши, Анютка,— такъ: поразспроси Иванъ про другое мѣсто, и когда найдешь, такъ можешь отъ хозяина уйти, а безъ дѣла оставаться не надо. Напиши, что благословляю тебя, Иванъ, на работу и на терпѣніе, а насчетъ того, что приказчикъ Никифоръ дерется, такъ скажи, что нашего общества Никита Святковъ въ ломовыхъ извозчикахъ служить тоже въ Питерѣ. Коли тебя приказчикъ обижать будетъ, такъ ты Никиту позовешь, а онъ имъ покажетъ. А перетерпишь—человѣкомъ сдѣлаешься, въ люди выйдешь, самъ хозяиномъ будешь...

Дѣвочка достала изъ-за образа линованую тетрадку, вырвала листокъ, и обгрызаннымъ карандашомъ начала старательно писать: «Любезный сынъ Иванъ»...

— Такъ, такъ, кивалъ головой мужикъ. Дѣвочка муслила карандашъ и старательно выводила большія кривыя буквы.

Цветы и дѣти.

Былъ я какъ-то въ здѣшнемъ Ботаническомъ саду. Со мной вмѣстѣ ходилъ прїѣзжій купецъ изъ Кунгура, скромный любитель цвѣтовъ. Какъ онъ разсказывалъ, онъ любитъ цвѣты и занимается пчеловодствомъ, особенно его интересуютъ медоносныя растенія, необходимыя для пчелъ. Большинство растеній онъ зналъ по именамъ, называя ихъ научныя латинскія названія, но не умѣлъ читать по-латыни, поэтому былъ весьма огорченъ, что на цвѣтахъ нѣтъ русскихъ названій, написанныхъ на русскомъ языкѣ. Водилъ насъ по саду молодой садовникъ, очень усердно передававшій всѣ свои свѣдѣнія о растеніяхъ. Среди безчисленнаго количества скучныхъ горшковъ съ однообразною зеленью, есть растенія и весьма интересныя. Ліаны съ тонкимъ стеблемъ, крѣпкимъ какъ кость, тянутся на нѣсколько саженей подъ самый куполь оранжерей, гдѣ выпускаютъ небольшой зонтикъ листьевъ. Бамбуки, въ два мѣсяца вырастающіе

на 5 саженой. Священный египетскій лотосъ, тысячелѣтній папоротникъ, громаднѣе какъ дерево, цвѣты мухоловы, ананасы, растушіе въ воздухѣ, привязанными къ палкамъ, и др. Къ сожалѣнію, тѣ отдѣлы, которые наиболѣе меня интересовали—кактусы—вовсе закрыты, такъ какъ, по словамъ садовника, «опасно, чтобы публика ихъ не поломала» (для кого же они существуютъ?), а изъ трехъ оранжерей съ орхидеями показывается только маленькій уголокъ.

Мой случайный кунгурскій спутникъ очень хотѣлъ пріобрѣсти разные рѣдкіе экземпляры растений, чтобы отвезти на родину и тамъ начать ихъ культивировать. Однако, ему сказали, что никому никакихъ растений, ни сѣмянъ, ни отводковъ не выдается, разъ же въ году, три дня, 27—30 августа, происходитъ продажа ненужныхъ для сада дубликатовъ растений.

Съ послѣднимъ едва ли можно согласиться. Хотѣлось бы въ Ботаническомъ саду видѣть учрежденіе, которое бы содѣйствовало любителямъ культуры растений въ Россіи продажей сѣмянъ и отводковъ. Куда же обратиться желающему разводить рѣдкіе сорта и виды растений, какъ не въ лучший Ботаническій садъ въ Россіи, гдѣ должны быть собраны самыя цѣнныя и интересныя разновидности міровой флоры? Неужели русскимъ нужно обращаться за границу, въ иностранныя ботаническіе сады?

С. А. Рачинскій въ своей «Сельской Школѣ» указывалъ на важность въ воспитательномъ отношеніи приучать дѣтей къ уходу за цвѣтами, и рекомендовалъ учителямъ въ школахъ держать комнатныя растенія и приучать учениковъ за ними присматривать. Забота о регулярной поливкѣ, чистотѣ, пересадкѣ и т. д. приучаетъ школьникова къ аккуратности и наблюдательности, а интересные экземпляры растительнаго царства въ комнатѣ помогаютъ и обученію ботаникѣ и развиваютъ добрыя чувства подросткающаго поколѣнія.

Весьма желательно, чтобы ученики имѣли представленія о растеніяхъ, имена которыхъ встрѣчаются постоянно на урокахъ исторіи, Закона Божія, напримѣръ, виноградной лозы, смоковницы, финиковой пальмы, сахарнаго тростника, и т. д.—а между тѣмъ ихъ легко держать въ комнатахъ, а также чайное дерево, кофейное, хлопчатникъ (*Gossypium herbaceum*), сахарный тростникъ, лимонное, апельсинное, резиновое (*Ficus elastica*), ванильную орхидею и другія растенія, которыя не трудно разводить самимъ. Особенно интересны въ комнатахъ растенія, дающія цвѣты зимою (чайное—*Olea fragrans*), и даже плоды—(карликовая вишня, смоква). Наблюдать за развитіемъ растеній, цвѣтеніемъ, созрѣваніемъ плодовъ,—все это доставитъ дѣтямъ громадное удовольствіе.

Датскій ботаникъ Скоу говорить, что, гдѣ на окнахъ красуются цвѣты, въ домѣ непременно найдется и полочка съ книгами. Это относится и къ нашей родинѣ, покрытой полгода снѣгами, гдѣ цвѣты приобрѣтають особенную цѣнность. За цвѣткомъ въ комнату попадаетъ и книга о чужеземныхъ краяхъ, а съ книгой и стремленіе къ лучшей жизни.

Наша родина столь велика, что включаетъ въ себя удивительные контрасты. Напримѣръ, въ Россіи водятся на сѣверѣ бѣлые медвѣди, а на югѣ пеликаны (въ Хивѣ) и розовыя фламинго, эти прекрасныя птицы, которыхъ мы привыкли представлять себѣ въ Египтѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ я видѣлъ стада ихъ въ Закаспійской области на берегу Каспійскаго моря. Въ той же области весной, въ долинахъ Атрека и Сумбара, степь покрыта дикими тюльпанами и лиловыми и желтыми ирисами, — которыхъ мы такъ бережно разводимъ въ горшкахъ. Въ Приморской области, въ горахъ, растеть въ дикомъ состояніи виноградъ, достигая 24 саженой длины, — напр., образцы на выставкѣ въ Хабаровскѣ въ 1899 г., или, напримѣръ, растеніе жень-шень, корень котораго — по наблюденіямъ китайцевъ обладаетъ чудодѣйственнымъ свойствомъ возрождать жизненныя силы и давать людямъ долголѣтіе.

Въ школѣ необходимо разводить цвѣты и заставлять учениковъ ихъ сѣять, ухаживать за ними

дѣлать отводки и пересадки. Школы, находящіяся въ разныхъ концахъ Россіи, могли бы обмѣниваться образцами цвѣтовъ и сѣменами рѣдкихъ и типичныхъ растеній.

Приучать дѣтей къ уходу за цвѣтами, это одно изъ средствъ, по выраженію Глѣба Успенскаго,—«обращать души эгоистическія во все скорбящія».

Миролюбивые китайцы и воинственные японцы одинаково любятъ и обожаютъ цвѣты. Цвѣтеніе вишенъ, присовъ и хризантемъ—любимые національные праздники японцевъ.

Многія японскія женщины исповѣдуютъ особую религію цвѣтовъ. Японскія матери воспитываютъ въ своихъ дѣтяхъ—будущихъ самураяхъ, съ ихъ ранняго дѣтства, чувство доблести—бushi-do, чувство любви къ родинѣ и всей природѣ, которая носитъ въ цвѣтахъ свое лучшее украшеніе.

Красота духа и краса природы имѣютъ общій источникъ.

Гдѣ правда?

Отецъ—старый учитель гимназіи.

Сынъ—студентъ.

Неизвѣстный.

Отецъ. Такъ ты все-таки хочешь уѣхать туда?

Сынъ. Я не могу оставаться здѣсь, когда тамъ дѣлается святое дѣло, а людей не хватаетъ.

О. Ты думаешь, что это святое дѣло?

С. Что можетъ быть выше какъ умереть за родину?

О. Это вовсе не смерть за родину, это глупое безцѣльное самоубійство, которое никому пользы не принесетъ. Это—избѣженіе самыхъ горячихъ, самыхъ увлекающихся нашихъ сыновей, все сыновей нашей родины, которые принесли бы пользу и счастье странѣ, если бы всю ту силу, которую они такъ безцѣльно, такъ глупо тратятъ тамъ на баррикадахъ, гдѣ-то подъ воротами, стрѣляя изъ-за угла, если бы они всю эту духовную силу вложили въ свою жизнь и посте-

пенно день за днемъ старались облагораживать, улучшать нашу жизнь, но не этими дикими, варварскими способами.

С. Они же свою жизнь отдаютъ за идею, значить они всю свою духовную силу и вкладываютъ въ жизнь.

О. Что же это за глупое принесеніе себя въ жертву во имя идеи! Это совершенно похоже на того человѣка, который стрѣляется оттого, что не можетъ жениться на любимой дѣвушкѣ. Также и тѣ, которые за баррикадами стрѣляютъ въ солдатъ изъ револьверовъ, а сами разстрѣливаются пулеметами. Чего они хотятъ? Ихъ вѣдь мало! Народъ не хочетъ революціи, народъ хочетъ спокойной, невозмутимой жизни, хочетъ довольства и обезпеченности. Революціонеровъ гораздо меньше, чѣмъ мы воображаемъ, и ихъ очень мало по сравненію съ тѣмъ народомъ, который совершенно спокоенъ и желаетъ только спокойствія и счастья.

С. Да, народъ хочетъ счастья, потому что счастья у него нѣтъ. Но вѣдь они-то и борются за счастье народа, они добиваются этого счастья и если *они* не добьются, то счастья не будетъ, его не дастъ это правительство, которое...

О. Знаю впередъ, что ты скажешь о правительствѣ, и въ чемъ ты будешь его обвинять. Ты будешь говорить: эти бюрократы, эти чиновники, которые думаютъ только о 20-мъ числѣ,

эти сухіе, бездушные люди и такъ далѣе. Знаю впередъ, и всетаки я буду защищать правительство, потому что благо народное находится только въ его рукахъ, а не въ рукахъ революціонеровъ. Революція ничего кромѣ несчастія народу не приноситъ и не принесетъ.

С. Какъ же не приносить? Уже народу дарованы такія блага, которыя еще сто лѣтъ народъ бы не получилъ, если бы революціонеры не вырвали ихъ изъ рукъ правительства.

О. Да, великія блага дарованы народу, но все же они дарованы правительствомъ, и въ рукахъ твердой организованной власти находятся будущія народныя блага, а не въ рукахъ людей хаоса, безпорядка, смятенія и розни.

С. Не все ли равно, кто далъ блага народу—революціонеры или правительство, самое главное, что они уже даны.

О. Я повторяю, что революціонеры не могутъ дать сами ничего. Революціонеры—это только остріе меча, который прикасается къ власти, и ее укалываетъ или ранитъ. Революціонеры—это только толчокъ, побужденіе, напоминаніе, но это не творческая сила, это не организація, которая можетъ создать новый переходъ государственной жизни къ лучшему будущему, къ лучшей жизни. Переходъ государственной, народной жизни отъ настоящаго къ лучшему происходитъ отъ борьбы правительства съ своими противни-

ками, съ оппозиціей,—но борьба должна быть разумная, сознательная, нужно бороться и добиваться своихъ идеаловъ посредствомъ культурныхъ способовъ борьбы,—мыслью, печатью, словомъ, но не прибѣгать къ грубой, слѣпой, варварской силѣ, къ покушенію на своего родного брата.

С. Это все прекрасно въ теоріи, но пока эта грубая сила, въ лицѣ черной толпы рабочихъ, не высыпетъ на улицу и не начнетъ ломать фонари и переворачивать конки, правительство и обращать вниманія не будетъ на всѣ петиціи, ходатайства, прошенія, хотя бы ихъ подписалъ миллионъ человѣкъ. Когда же на улицахъ начинаютъ воздвигаться баррикады и за ними поднимаются люди, которые не боятся направленныхъ въ нихъ ружей, тогда именно, совершается шагъ впередъ, къ лучшему будущему, новый фазисъ эволюціи народной жизни, потому что правительство видитъ, что есть люди, которые его не боятся, что такъ жить нельзя и что нужно создать новыя условія жизни, которыя бы успокоили общество.

О. Поэтому правительство сметаетъ гранатами баррикады, схватываетъ вожakovъ и еще болѣе усиливаетъ свою власть и сдавливаетъ народную жизнь въ тискахъ своей недремлющей опеки.

С. (Молчитъ).

О. Что же ты молчишь?

С. Потому, что мы съ тобой стоимъ на разныхъ полюсахъ и сойтись мы не можемъ. Нельзя терять времени. Жизнь одна, — что послѣ насъ будетъ — неизвѣстно. Можетъ быть, черезъ 50 лѣтъ наша планета налетитъ на другую планету въ небесахъ и земля превратится въ дымъ. Черезъ 50 лѣтъ и насъ не будетъ, а будутъ неизвѣстные намъ существа, которыя будутъ называть себя нашими внуками. Какъ будетъ имъ житься, — не знаю, и мнѣ даже не интересно. Я знаю, что теперь живетъ скверно, а лучше устроить жизнь можно. Создадимъ лучшую жизнь нашимъ современникамъ, нашимъ братьямъ, — и тогда счастье явится внутри насъ и вокругъ насъ. Но для этого нужно забыть о себѣ, о своихъ выгодахъ. Нужно всего себя отдать одной цѣли, посвятить всю свою жизнь только одному намѣченному плану, хотя бы для этого пришлось пожертвовать своей жизнью.

О. Ты думаешь, что въ 24 часа или даже въ 24 дня можно пересоздать государство и низвести счастье на землю?

С. Конечно, если и нельзя сдѣлать жизнь всѣхъ счастливой, то все же можно улучшить эту жизнь.

О. Совершенно вѣрно, но помни: «поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ».

С. Чтобы достигнуть цѣли, нужно быть жестокимъ и неумолимымъ.

О. Поэтому право правительство, когда оно принимает жестокия мѣры.

С. Значить, правы и революціонеры, когда они становятся жестокими и борются жестокими средствами за правду.

О. Правда всегда останется правдой, правда состоитъ въ добрѣ, въ заботѣ о ближнемъ, о счастьѣ ближняго. Эта правда восторжествуетъ.

Неизвѣстный. И будетъ правъ тотъ, кто окажется сильнѣе и кто въ концѣ концовъ побѣдитъ.

На перепутьѣ.

78

Въ степи, тамъ, гдѣ сходятся двѣ проселочныя дороги и на зеленомъ холмикѣ стоитъ покосившійся деревянный крестъ съ жестяной иконою Божьей Матери, сидѣли три мужика. Двое изъ нихъ были, видно, путники, пристѣвшіе отдохнуть съ дороги, а третій, съ открытой головой, безъ шапки, въ красной рубашкѣ безъ пояса, былъ пахарь съ сосѣдняго поля, гдѣ мирно стояла съ бороной гнѣдая лошадь съ блестящими на солнцѣ, потными боками, усердно помакивавшая хвостомъ.

Одинъ изъ путниковъ былъ старичокъ, сутуловатый, съ сѣдой бородкой, въ шляпѣ съ полями, въ поддевкѣ въ родѣ подрясника и съ сумками черезъ плечо. Онъ говорилъ быстро, скороговоркой, но часто останавливался, замолкалъ и задумывался, послѣ чего начиналъ говорить совсѣмъ о другомъ.

Другой же путникъ былъ солдатъ, возвращавшійся съ войны. На немъ былъ суконный мун-

диръ и шаровары, протертыя въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ставшихъ буро-зелеными.

Довольно молодой еще солдатъ былъ молчаливъ и серьезенъ, его голубые глаза задумчиво смотрѣли въ даль и изрѣдка онъ покручивалъ свои свѣтлые вьюшіеся усы.

Пахарь угощалъ обоихъ путниковъ хлѣбнымъ квасомъ, изъ глинянаго запотѣвшаго кувшина съ узкимъ горлышкомъ, и свѣжимъ чернымъ хлѣбомъ съ зеленымъ лукомъ, и спрашивалъ ихъ:

— Расскажи-ка, дѣдушка, что же теперь въ Россіи дѣлается? Ты теперь много городовъ прошелъ и видѣлъ: смута прекращается или нѣтъ?

— Разлилась смута по всей Россіи и по городамъ, и селамъ, и деревушкамъ. Всюду она пробралась и всюду ганашитъ и ворочается.

— Богъ съ ней, съ этой смутой,—сказалъ пахарь. У насъ столько отъ нея безпокойства, что житья не стало. Стражники ѣздятъ, казаки ѣздятъ, всѣхъ тормошатъ, всѣхъ допрашиваютъ. Жили когда то тихо, мирно, а теперь никакого спокойствія нѣтъ.

Пахарь помолчалъ, провелъ рукой по своимъ длиннымъ, растрепавшимся по вѣтру волосамъ и спросилъ, покосившись:

— Нашихъ мужиковъ то, которые въ Питеръ въ Думу поѣхали, оттуда назадъ не выставятъ?

Старичокъ пожалъ плечами.

— А кто ихъ знаетъ,—выставятъ или не выставятъ.

вять! Тамъ, думаешь, очень имъ рады? Одно безпокойство! Тѣ, кто тамъ повыше, — начальство, управлялись раньше безъ нихъ, и очень пріятно имъ что ли давать мужикамъ объясненіе — что, да почему? Конечно выставять...

— Нѣтъ, не выставять, — сказалъ угрюмо солдатъ. Для чего людей безпокоили по всей Россіи, собирали сходы, выбирали уполномоченныхъ, посылали въ Питеръ, да еще денегъ на дорогу давали. Уже если денегъ на дорогу дали, то вѣрно мужики въ Питеръ очень нужны. Вѣрно безъ мужика никакъ не обойтись. Вѣрно начальство видитъ, что лучше сообща съ мужиками посоветоваться, а потомъ уже и дѣла рѣшать. А мужики скажутъ хоть просто и незатѣливо, но зато вѣрно.

— А всетаки я не понимаю, сказалъ пахарь, отчего въ Россіи непорядки пошли.

— Оттого непорядки, — сказалъ старичокъ, — что всѣмъ большое стѣсненіе жизни. Ходишь и оглядываешься, какъ бы кто либо тебя не цукнулъ, не схватилъ, не побилъ, не запряталъ. Нужна свобода!

— Нѣтъ, не оттого непорядки, — сказалъ пахарь, — а оттого, что всѣ мы народъ темный, всякому слуху вѣримъ, а чего надобно сдѣлать — не вѣдаемъ. Вотъ я бьюсь на пашнѣ, бьюсь, а не родить моя земля. И чего съ ней сдѣлать не знаю, научить меня некому. Мальчишка мой плохо грамотѣ

знаеть, что съ нимъ дальше будетъ не знаю. Школа далеко, а ему нужно мнѣ въ хозяйствѣ подсоблять. Насъ въ семьѣ только два мужика. А мальчишкѣ нужно ученіе. Если мы были народъ темный, то пускай дѣти во тьмѣ не ходятъ.

— Оттого непорядки,—сказалъ солдатъ,—что очень всѣмъ обидно. Дрались мы честно съ японцемъ, сколько жертвовъ было, сколько людей ухлопали, сколько раззоренія семьямъ было, сколько убытка всѣмъ людямъ, а въ ничью война кончилась, а насъ же еще срамили тѣ, кто на войну носа не показывалъ: вы, дескать, отъ японца бѣгали. Бѣгали? Какъ изъ нашихъ рядовъ шрапнели вырывали по нѣсколько сразу, а мы все стрѣляли и штыками японцевъ выбивали, пока начальство не приказывало отступать, этого никто не знаетъ и вѣрить не хочетъ. Всѣ говорятъ, какъ это язычники японцы нашихъ солдатъ били? Да, были дѣла боевыя, да такія, что и во снѣ не приснятся. И такъ прахомъ все пошло. Намъ нужна побѣда, а войну зря прекратили. Намъ нужно побить японца! Тогда всѣ иначе и разговаривать начали бы.

Старичокъ перекрестился нѣсколько разъ, поблагодарилъ пахаря за хлѣбъ-соль и сталъ собираться въ путь.

— Да, ученіе,—сказалъ задумчиво пахарь.

— Свобода,—сказалъ старичекъ.

— Побѣда, побѣда,—пробормоталъ солдатъ.

Путники пошли по пыльной дорогѣ.

Крестьянинъ, забравъ кувшинъ и завернувъ хлѣбъ въ платокъ, пошелъ къ лошади.

Пыль на дорогѣ стала крутиться и виться.

На покосившемся крестѣ задрезжала отъ вѣтра жестяная икона Богородицы.

На горизонтѣ надвигалась темная грозовая туча.

.

Педагогическія изданія Григ. Янчевецкаго.

Философія основанія педагогія, *А. Фогеля*. (Пер. съ нѣм.).
Локкъ. Кантъ. Гегель. Шлейермахеръ. Гербартъ.
Венеке. 134 стр. ц. 1 р.

Гимнази и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе.
В. Шрадера. (Пер. съ нѣм.). I. Цѣль и объемъ воспитанія. Нравств. опредѣленность. Отдѣльныя способности. Литература. II. Образованіе разсудка. Образованіе фантазіи. Образованіе характера. Единство образованія. III. Учительская должность: научное образованіе, образованіе для учительск. званія, долгъ учит. званія. IV. Школа и домъ. V. Общая методика обученія: формальный методъ, выборъ и расположеніе учебн. матеріала, формы обученія, возбужденіе и сосредоточеніе духа. VI. Методика отдѣльныхъ предметовъ обученія: Законъ Божій, древніе языки, новые языки, географія, исторія, математика, естественныя науки. Выходъ изъ школы. Указатель. 472 стр. ц. 3 р.

Гимназическая педагогика *К. Негельсбаха*. (Пер. съ нѣм.).
Цѣль и назначеніе гимназій. Какъ совершается расширеніе сознанія. Учитель. Общіе принципы дидактики: направленіе занятій учениковъ, занятія учителя гимназій, поправка работъ, препятствія въ преподаваніи, средства къ усиленію успѣшности преподаванія. Дисциплина. Наказанія. Природныя свойства учениковъ. Совѣты молодымъ учителямъ. Преподаваніе языковъ. Исторія. Математика. Естеств. науки. Законъ Божій. Чистописаніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика. Классное или предметное преподаваніе. Святость призванія. Указатель. 117 стр. Ц. 1 р.

Методика преподаванія предметовъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Д-ра *Г. Шиллера*. (Пер. съ нѣм.). 108 стр. ц. 1 р.

Великая дидактика *Я. А. Коменскаго*. 342 стр. ц. 1 р.

Необходимость педагогическихъ семинарій при университетахъ *Г. Бржоска*, (Пер. съ нѣм.) 278 стр. ц. 1 р. 50 к.

Преподаваніе латинск. и греческ. языковъ *Ф. Экштейна*. (Пер. съ нѣм.) 358+132 стр. ц. 3 р.

Складъ изданія: Ревель, Редакція «Ревельскихъ Извѣстій». Высылаются наложеннымъ платежомъ.

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ
новая книга:

«Русскій гражданинъ».

Опытъ учебника нравственнаго и гражданскаго воспитанія русскихъ дѣтей.

Составилъ *Вас. Янчевецкій*.

1. Семья. Школа. Товарищи. Воспитатели.
 2. Основы нравственности. Обязанности къ себѣ, ближнимъ и родинѣ.
 3. Долгъ и права русскаго гражданина.
 4. Россійская имперія и ея политическое устройство.
-